

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра теории государства и права

Ю.Л. ПРОЦЕНКО

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РУСИ
В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ
РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XIV ВВ.)**

Лекция

Волгоград 2001

ББК 67.3(2)43

П 84

Рецензент

д-р ист. наук, профессор Д.М. Туган-Барановский

Печатается по решению редакционно-издательского совета
университета

Проценко Ю.Л.

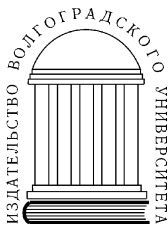
П 84

Государство и право Руси в период феодальной
раздробленности (XII—XIV вв.). — Волгоград: Издательство
Волгоградского государственного университета, 2001. — 60 с.

ISBN 5-85534-415-0

Феодальная раздробленность как новая форма
государственно-политической организации, сменившая
раннефеодальную Киевскую монархию, соответствовала
развитому феодальному обществу как комплексу сравнительно
небольших феодальных уделов. На примере трех политических
центров данная учебная лекция исследует развитие новых форм
поземельных и политических отношений после трансформации
Древнерусского государства в своеобразную федерацию
княжеств, именуемую феодальной раздробленностью.

ISBN 5-85534-415-0

© Ю.Л. Проценко, 2001

© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2001

Период, который открывает следующую страницу нашей истории после Древнерусского государства, принято называть феодальной раздробленностью русских земель. В этот период русская политическая жизнь была рассредоточена и Киевская Русь, где когда-то кипела деятельность политическая, торговая и ремесленная, сохранила лишь памятники, говорящие о ее минувшем значении.

План лекции

- 1. Предпосылки феодальной раздробленности.*
- 2. Владимиро-Суздальское княжество.*
- 3. Галицко-Волынское княжество.*
- 4. Новгородская феодальная республика.*

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Начиная со второй трети XII в. Древняя Русь вступила в сложный период своей политической истории — период феодальной раздробленности, который растянулся на несколько веков до XV в. и через который прошли все феодальные страны Европы и Азии. Старая Киевская Русь Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха прекратила существование под действием как внутренних, так и внешних обстоятельств. Но произошел не распад Древнерусского государства, а превращение его в своеобразную федерацию княжеств во главе с великим князем киевским, хотя власть его все время слабела и была скорее номинальной.

К середине XII в. Русь раскололась на 15 княжеств, которые были лишь в формальной зависимости от Киева. Накануне ордынского нашествия на Русь (1237—1240 гг.) их было около 50, а в XIV в., когда уже начался процесс феодальной консолидации, число их приблизилось к 250. Это был политический результат дальнейшего развития феодализма, и одной из причин такого состояния государственности на Руси были постоянные княжеские разделы земель между Рюриковичами, их бесконечные междоусобные войны и новые переделы земель.

Однако не политические причины лежали в основе этого деления. Если учесть, что процесс феодального раздробления некогда огромного государства характерен не только для Руси, а для всех стран Европы и Азии, то этот период следует рассматривать как закономерный этап в поступательном развитии феодального производства, обусловленный завершением генезиса феодальных отношений и вступлением феодализма в стадию зрелости. Этот период характеризуется развитием экономических и социально-политических институтов феодального землевладения и хозяйства, средневекового ремесла, феодального иммунитета и феодально-сословной иерархии, зависимости крестьян, основных элементов феодального государственного аппарата. Следовательно, причины перехода к феодальной раздробленности следует искать, прежде всего, в появлении и распространении феодального землевладения не только княжеского, но и частного, в возникновении боярских сел. Основой экономической мощи господствующего класса стала не дань, а эксплуатация феодально-зависимых крестьян внутри боярских вотчин. Этот процесс постепенного оседания дружины на землю заставлял князя быть менее подвижным, стремиться укрепить свое собственное княжество, а не переходить на новый княжеский стол. Другими причинами перехода к феодальной раздробленности были рост городов и развитие отдельных земель, что делало их более независимыми от Киева. Вместо одного центра появилось несколько.

Феодальная раздробленность как новая форма государственно-политической организации, сменившая раннефеодальную Киевскую монархию, соответствовала развитому феодальному обществу как комплексу сравнительно небольших феодальных уделов, натурально-хозяйственная основа которых обуславливала их экономическую самостоятельность и государственно-политический сепаратизм в рамках местных земельных союзов — государств-княжеств и феодальных республик. Эти государственные образования не случайно сложились преимущественно в рамках бывших племенных союзов, этническая и областная устойчивость которых поддерживалась природными рубежами и веками складывавшимися местными культурными традициями.

В пределах небольших государств-княжеств феодалы могли более эффективно защищать свои территориально-корпоративные интересы, с которыми мало считались в Киеве, где подчи-

ненные ему города в областях рассматривали лишь как источники поступления даней и как столы-кормления, служившие для многочисленных потомков Владимира ступеньками к достижению главного стола — Киева. Подбирая и закрепляя за своими «столами» подходящих князей, местная знать заставляла их отказаться от привычного взгляда на столы как на временные для них кормления. Превращение столов-кормлений в наследственные в одном из княжеских родов государства-княжения сопровождалось развитием новых форм поземельных и политических отношений между феодалами, оформившихся в сложную систему вассалитета и сюзеренитета.

Суммируя причины феодальной раздробленности Киевской Руси, их можно было бы сформулировать следующим образом:

- расширение феодального землевладения;
- рост экономического могущества местных феодалов;
- слабость и нерегулярность торговых связей;
- политический сепаратизм местных князей;
- необходимость для феодалов оперативного подавления народных выступлений;
- ослабление роли Киева после набегов кочевников, рост и усиление других городов.

Феодальная раздробленность была естественным, новым, более высоким этапом в развитии феодального общества и государства, надежно защищавшего интересы господствующего класса феодалов, разделенного территориально и политически перегородками государств-княжеств. Вместе с тем утрата государственного единства Руси, сопровождавшаяся началом затяжных княжеских усобиц, ослабляла и разъединяла ее силы перед лицом возраставшей угрозы иноземной агрессии, и, прежде всего, степных кочевников.

Утверждение удельного порядка, отсутствие идеи единой русской земли, общего национального дела, земельное и политическое дробление, державное одичание и варваризация Древней Руси являются внутренними обстоятельствами политической трансформации Древнерусского государства.

Что касается внешних обстоятельств, то это колониционный натиск на Русь буквально по всем сторонам горизонта. На юге половцы занимают Северное Причерноморье, Византия — часть Крыма; на западе венгры захватывают карпатскую Русь;

Полоцкая земля оказывается вассалитетом Литвы; провал Крестовых походов намечает новую, северо-восточную линию экспансии европейского (немцы, датчане, шведы) рыцарства; Юго-Западная Русь (Украина) с середины XIV в. попадает под власть Польши и Литвы; Молдавия оккупируется монголами, затем венграми; с востока на Русь вторгаются монголы. Печальные следствия этого — утрата позиций Руси в зонах Причерноморья, Крыма, Северного Кавказа, Прибалтики, Галиции, Поволжья, Средней Азии.

Россия всегда проигрывает тогда, когда ослабляется политически. Освобождение земель от киевской великокняжеской власти вследствие утверждения удельного порядка владения повлекло бесконечный непрерывный упадок Древней Руси. Значение центральной власти в России колоссально. Любой ее подрыв, подтачивание влечет национальную гибель. И это хорошо иллюстрирует обстановка того периода: разрушение политического единства державы, феодализация, членение на уделы (сравните с этнополитической феодализацией в наши дни) привнесли разобщение сил страны, распыление потенциала народа, потворствовали утверждению иноземного ига. Последнее, сдерживая экономическое развитие (иные толкования результатов монголо-татарского нашествия на Русь представляются нелепыми), подрывая культуру, хозяйство, торпедируя рост городов, ремесел, торговли, породило капитальную для Руси проблему политического и социально-экономического отставания от Европы. В 250-летнем порабощении Руси монголо-татарскими захватчиками скрыт корень исходно печальной российской проблемы «догнать...».

Вместе с тем политическая трансформация Древней Руси никогда не означала ее полного распада. Сохранились центростремительные силы, которые постоянно противостояли силам центробежным. На это обстоятельство исчерпывающе указывает Д.И. Иловайский, отмечая, что «...при всем дроблении на отдельные самостоятельные земли и недостатке политического средоточия, Русь того времени все-таки представляет важные и разнообразные условия, которые связывали ее части в одно целое и до некоторой степени налагали на них печать национального единства»¹. К ним следует отнести:

1. Сама природа препятствовала полному обособлению отдельных земель — характер равнины, не разделенной никакими естественными преградами и покрытой огромной сетью внутренних вод, которая связывала части этой равнины естественными и по тому времени наиболее удобными путями сообщения, влияя на единение политическое.

2. Один и тот же богатый русский язык царил на всем этом огромном пространстве. Сильным связующим началом для всех областей служила и книжная словесность, в основу которой лег церковнославянский язык со своими переводами богослужебных и священных книг.

3. Православная церковь служила могущественной связью, распространяя единение религиозных догматов и обрядов, налагая на все русские области единство своей иерархии. И хотя старые языческие предания еще в той или иной мере имели в народе место, христианская церковь везде противопоставляла им свою непреложную систему вероисповедания, а православие распространяло во всех русских областях одни и те же виды храмового зодчества, иконописания, что неотразимо влияло на общеисторическое развитие русских княжеств.

4. Безусловно, разнообразие климата, естественных угодий, местных условий, конечно, способствовало развитию некоторых отличий в быте и характере населения, но эти отличия не нарушали общего склада русской семейной и общественной жизни. Для всех областей Руси характерны одни и те же семейные отношения, общественные учреждения, сословия, статус княжеской власти, суда и управления, отношения между дружиной и земством, вечевые обычаи.

5. Единение русских земель поддерживал один и тот же княжеский род — многоцветистое потомство Рюриковичей, долгое время сообща владевшее всеми этими землями и наблюдавшее известный порядок родового старшинства при замещении Киевского и других главных столов (теория «лествичного восхождения»).

6. В неразрывной связи с потомством Рюриковичей распространились повсюду и русские дружины. Размещаясь со своими князьями в разных областях Восточной Европы, эти дружины постепенно слились с высшим слоем туземного населения, как славянского, так отчасти и инородческого, и везде послужили основой местной аристократии — военной и землевладельческой.

Степень единения Русской земли в период феодальной раздробленности была более или менее действенна для защиты Руси от соседних народов, но она оказалась далеко недостаточной, когда с Востока, из Азии, надвинулись новые полчища варваров, направляемые одной деспотичной волей, одним хищным стремлением². Ослабление, а затем и крушение единства снизило способность этноса эффективно противостоять внешней опасности.

После трансформации Древнерусского государства в своеобразную федерацию княжеств, именуемую феодальной раздробленностью, для экономического и политического развития отдельных его частей большое значение имело местоположение княжества, уровень феодализации его хозяйственной жизни. Политические формы отечественной государственности в период удельного правления были многообразными — от сильной княжеской власти до республиканского строя. В конечном счете из 250 княжеств в русских землях в период феодальной раздробленности выделилось три политических центра:

1. Владимиро-Суздальское княжество;
2. Галицко-Волынское княжество;
3. Новгородская феодальная республика.

2. ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Расположенное на северо-востоке от Приднепровья Владимиро-Суздальское княжество (иначе Северо-Восточная Русь) было далекой окраиной Древнерусского государства. От остальной части Древнерусского государства эту землю отделяли густые и труднопроходимые леса. Край этот потому часто назывался «Залесским».

Первоначальной столицей этой земли был Ростов, первые достоверные сведения о котором относятся к рубежу X—XI вв. Находившаяся за лесом территория носила название Ополье.

В XII—XIII вв. Северо-Восточная Русь переживала экономический и политический подъем, выдвинувший ее в ряд сильнейших княжеств на Руси. Плодородные земли Суздальского Ополья, необозримые леса, прорезанные густой сетью рек и озер, по которым пролегали древние и важные торговые пути на юг и восток, наличие доступных для добычи железных руд —

все это благоприятствовало развитию земледелия, скотоводства, сельских и лесных промыслов, ремесла и торговли. В ускорении хозяйственного и политического возвышения данного лесного массива большое значение имело колонизационное движение из Юго-Западной Руси и из Новгородской земли.

Быстрый прирост населения Северо-Восточной Руси за счет жителей южно-русских земель обычно связывают с усилением половецкой опасности. В это же время уход населения в Северо-Восточную Русь, где боярские вотчины стали появляться лишь во второй половине XII в., был ответом на усиление феодальной эксплуатации в заселенном славянами Приднепровье, в котором оседание дружины на землю, создание боярских сел — вотчин — ухудшало положение крестьянства.

Отток населения на северо-восток привел не только к увеличению здесь сельского населения, но и к возникновению новых городов. В XII—XIII вв. возникли почти все основные города этой земли (Владимир, Переславль-Залесский, Дмитров, Стародуб, Городец, Галич, Кострома, Тверь, Нижний Новгород и др.), строившиеся суздальскими князьями на границах и внутри княжества в качестве опорных крепостных и административных пунктов и обстраивавшиеся торгово-ремесленными посадами, население которых активно включалось в политическую жизнь. Еще раньше — в XI в. — здесь появляется основанный Ярославом Мудрым Ярославль. Тогда же впервые упоминается Суздаль. В 1108 г. Владимир Мономах основывает на реке Клязьме Владимир (чтобы отличить его от Владимира на Волыни его часто называли Владимир Залесский).

В этих основанных по инициативе князя городах вечевые порядки не были прочными и не могли эффективно противостоять воле князя. В большой зависимости от правителя находилось и боярство, появившееся на северо-востоке вместе с князем или им позднее призванное. Все это способствовало быстрому возвышению княжеской власти.

Владимиро-Суздальская (ранее Ростово-Суздальская) земля, попавшая по разделу между Ярославичами в руки Всеволода, оставалась и дальше под властью его потомков — сначала Владимира Мономаха, а затем его сына Юрия Долгорукого (1125—1157), при котором фактической столицей княжества стал Суздаль. С именем Юрия Владимировича Долгорукова часто связы-

вают основание Москвы. Действительно, Юрий основал немало городов на границах своего княжества. Он упоминается также в первом летописном известии о Москве в 1147 году. Однако археологические данные свидетельствуют, что городское население на месте Москвы существовало уже на рубеже XI—XII веков.

Военно-политическая активность Юрия, вмешивавшегося во все княжеские усобицы, протягивавшего свои «долгие руки» к дальним городам и землям, сделала его одной из центральных фигур в политической жизни Руси во второй трети XII века.

Княжение Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174) отмечено началом борьбы суздальских князей за политическую гегемонию своего княжества над остальными русскими землями. Честолюбивые попытки Боголюбского, претендовавшего на титул великого князя всей Руси, подчинить себе полностью Новгород и принудить других князей к признанию его главенства на Руси потерпели неудачу. Однако именно в этих попытках находила свое отражение начинавшаяся пробиваться тенденция к восстановлению государственно-политического единства страны на основе подчинения удельных князей самовластному правителю одного из сильнейших на Руси княжеств. Именно Владимиро-Суздальская Русь стала тем центром, вокруг которого объединились русские земли, сложилось Русское централизованное государство. На ее территории была основана Москва.

С княжением Андрея Боголюбского связано возрождение традиций политики Владимира Мономаха. Опираясь на поддержку горожан и дворян-дружинников, Андрей круто расправлялся с некоторыми боярами, изгонял их из княжества, конфисковывал их вотчины. Чтобы быть еще более независимым от бояр, он перенес столицу княжества из Ростова — древней боярской цитадели — в сравнительно новый город — Владимир-на-Клязьме, в котором имелся значительный торгово-ремесленный посад. Здесь менее сильны были вечевые традиции и оставалось больше простора для княжеского самовластия. С тех пор и берет свое начало Владимиро-Суздальское княжество. Сюда же из старого Ростова в новую княжескую резиденцию был перенесен епископский престол, а в 1299 г. глава Русской православной церкви митрополит Максим «не терпя насилия татарского» окончательно покинул Киев и со всем клиром своим переехал во Владимир. Перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир позволил

митрополиту Максиму первым из митрополитов называть себя Митрополитом Всея Руси. Подавить окончательно боярскую оппозицию князю Андрею не удалось. В июле 1174 г. он был убит заговорщиками — боярами.

Двухлетняя усобица, развязанная после убийства Боголюбского боярами, закончилась вокняжением его брата Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176—1212). Он продолжил политику Андрея Боголюбского. Во Владимиро-Суздальской земле он правил фактически единовластно, приостановив на время ее распад. Всеволод был самым могущественным из князей Русской земли. Он считался великим князем Киевским, но с его времени появился и титул великого князя Владимирского.

В период его княжения Владимиро-Суздальская земля достигла наивысшего расцвета и могущества, играя решающую роль в политической жизни Руси конца XII — начала XIII века. Распространяя свое влияние на другие русские земли, Всеволод умело сочетал силу оружия с искусной политикой.

После его смерти во Владимиро-Суздальской земле начался интенсивный процесс феодального дробления и постепенного ослабления великокняжеской власти и ее политического влияния на другие русские земли. Тем не менее вплоть до нашествия монголов Владимиро-Суздальская земля оставалась сильнейшим и влиятельнейшим княжеством на Руси, сохранившим политическое единство под главенством Владимирского великого князя. Планируя завоевательный поход на Русь, монголо-татары связывали результат внезапности и мощи своего удара с успехом всего похода в целом, и не случайно объектом первого удара была избрана Северо-Восточная Русь.

Общественный строй. Структура класса феодалов во Владимиро-Суздальском княжестве мало чем отличалась от киевской. Однако здесь возникает новая категория мелких феодалов — так называемые дети боярские. В XII в. появляется и новый термин — дворяне. К господствующему классу относилось также духовенство, которое во всех русских землях периода феодальной раздробленности, в том числе и во Владимиро-Суздальском княжестве, сохранило свою организацию, строившуюся по церковным уставам первых русских христианских князей — Владимира Святого (980—1015) и Ярослава Мудрого (1019—1054). Покорив Русь, татаро-монголы оставили неизменной организацию

православной церкви. Привилегии церкви они подтвердили ханскими ярлыками. Древнейший из них, выданный ханом Менгу-Темиром (1266—1267), гарантировал неприкосновенность веры, богослужения и церковных канонов, сохранил подсудность духовенства и других церковных лиц церковным судам (за исключением дел о разбое, убийствах, об освобождении от податей, повинностей и пошлин). Митрополит и епископы Владимирской земли имели своих вассалов — бояр, детей боярских и дворян, которые несли у них военную службу.

Основную массу населения Владимиро-Суздальского княжества составляли сельские жители, называвшиеся здесь сиротами, христианами, а впоследствии — крестьянами. Они платили феодалам оброк и постепенно лишались права свободного перехода от одного хозяина к другому.

Политическая система. Владимиро-Суздальское княжество представляло собой раннефеодальную монархию с сильной великокняжеской властью. Княжеская власть была здесь с самого начала значительно сильнее, чем в других княжествах Руси. Даже в пору татаро-монгольского ига владимирский стол продолжал считаться первейшим великокняжеским престолом на Руси. Татаро-монголы предпочли оставить нетронутыми внутреннее государственное устройство Владимиро-Суздальского княжества и родовой порядок преемства великокняжеской власти.

Великий князь Владимирский опирался на дружину, из числа которой, как и во времена Киевской Руси, формировался Совет при князе. Однако в отношениях князя с его дружинниками уже не было патриархального равенства, а нередко проглядывало подданство. Кроме дружинников в Совет входили представители высшего духовенства, а после перенесения митрополичьей кафедры во Владимир — и сам митрополит.

Великокняжеским двором управлял дворский (дворецкий) — второе по значению лицо в государственном аппарате. Ипатьевская летопись (1175 г.) в числе княжеских помощников упоминает также тиунов, мечников, детских. Это свидетельствует о том, что Владимиро-Суздальское княжество унаследовало от Киевской Руси дворцово-вотчинную систему управления.

Власть на местах принадлежала наместникам (в городах) и волостелям (в сельских районах). Они же вершили суд в подве-

домственных землях, проявляя при этом заботу и о пополнении великокняжеской казны.

Право. Источники права Владимиро-Суздальского княжества не дошли до Нового и Новейшего времени, но не подлежит сомнению, что в нем действовали общенациональные законодательные своды Киевской Руси. Правовая система княжества включала источники светского и церковного права. Светское право было представлено Русской Правдой (многие ее списки были составлены именно в этом княжестве в XIII—XIV вв.). Церковное право исходило из норм общерусских уставов киевских князей более раннего времени — Устава князя Владимира о десятинах, церковных судах и людях церковных, Устава князя Ярослава о церковных судах. Эти источники опять же дошли до Нового и Новейшего времени в списках, составленных во Владимиро-Суздальской земле. Таким образом, Владимиро-Суздальское княжество отличалось высокой степенью правопреимства от Древнерусского государства.

3. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Галицко-Волынская земля простиралась от Карпат и Днестровско-Дунайского Причерноморья на юге и юго-западе до земель литовского племени ятвягов и Полоцкой земли на севере. На западе она граничила с Венгрией и Польшей, а на востоке — с Киевской землей и половецкой степью. Галицко-Волынская земля была одним из древнейших очагов пашенной земледельческой культуры восточных славян. Плодородные почвы, мягкий климат, многочисленные реки и лесные массивы, перемежающиеся со степными пространствами, создавали благоприятные условия для развития земледелия, занятия скотоводством и различными промыслами, а вместе с тем и феодальных отношений, крупного феодального княжеского и боярского землевладения. Высокого уровня достигло ремесленное производство; его отделение от земледелия способствовало росту городов, которых здесь насчитывалось больше, чем в других русских землях.

Завершение во второй половине XII в. процесса образования системы отдельных княжеств способствовало выделению в юго-западных областях Древнерусского государства Галича и Волыни.

В XII в. Галицкое княжество переживает период экономического подъема и быстрого роста политического могущества. Этому способствовало выгодное географическое расположение Галицкой земли (Галицкая земля занимала все Прикарпатье). В связи с падением международного значения пути «из варяг в греки», оказавшегося под ударом половцев, торговые пути передвинулись на запад и легли через Галицкую землю. Результатом княжеских усобиц и половецких набегов на Русь стал рост колониационного движения не только на северо-восток, но и на запад, в частности и в Галицкую землю. На этой основе происходит усиление галицких городов, рост их торгового и политического значения.

С другой стороны, находясь на стыке трех важнейших восточноевропейских стран — Руси, Польши и Венгрии, Галицкая земля приобрела очень значительный вес в международных делах. Это благоприятствовало росту политического могущества княжеской власти в Галиче. Усиление княжеской власти вызывало борьбу против князя со стороны местного боярства, превращая княжество в арену длительной борьбы князей с олигархическими устремлениями местного боярства. Княжеская власть в Галицкой земле появилась сравнительно поздно, уже при сильно развитых феодальных отношениях. Класс бояр-землевладельцев обладал здесь исключительной экономической и политической мощью. Это придало особую силу и остроту борьбе между великокняжеской властью и боярством.

Боярское землевладение в Галицкой земле опережало в своем развитии княжеское и значительно превосходило последнее своими размерами. Галицкие бояре, владевшие огромными вотчинами с собственными укрепленными городами-замками и имевшие многочисленных военных слуг-вассалов, в борьбе с неудобными им князьями прибегали к заговорам и мятежам, вступали в союз с венгерскими и польскими феодалами.

Волынская земля находилась по соседству с Галицкой, расположившись по берегам Буга. Обособившись от Киева в середине XII в. и закрепившись в качестве родовой отчины за потомками киевского великого князя Изяслава Мстиславича, на Волыне, в отличие от соседней Галицкой земли, рано сложился большой княжеский домен (наследственные земельные владения). Боярское землевладение здесь росло в основном за счет княжес-

ких пожалований служилым боярам, поддержка которых позволила волыньским князьям начать активную борьбу за расширение своей отчины. В результате в 1199 г. Волыньскому князю Роману Мстиславичу удалось объединить Галицкую и Волыньскую земли, а с занятием им в 1203 г. киевского престола под его властью оказалась вся Южная и Юго-Западная Русь — территория, равная крупным европейским государствам того времени. Правление Романа Мстиславича (погиб в 1205 г.) отмечено упрочением общерусского и международного положения Галицко-Волыньской земли, успехами в борьбе с половцами, борьбой с непокорным боярством, подъемом западно-русских городов, ремесла и торговли. Однако оторванные в результате нашествия монголо-татар от остальных русских земель (но составлявшие ранее вместе с ними в совокупности единую Русь), ослабленные непрекращавшимися вторжениями золотоордынцев и агрессией с запада, южнорусские и западнорусские княжества не смогли отстоять свою целостность и независимость и в течение XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского, частью были захвачены Польшей и Венгрией. Их историческое развитие пошло своим особым путем, положив начало истории братских народов — великорусского, украинского и белорусского.

Общественный строй. Особенностью общественного устройства Галицко-Волыньского княжества являлось то, что здесь наряду с княжеским единодержавием возникла сильная аристократия в виде многочисленной группы боярства, в руках которой сосредоточились почти все земельные владения. Князья вынуждены были считаться с боярским самоволием, которое наравне с внешними врагами превратилось в разрушительную силу, ослабляя государство.

В целом социальный состав общества Галицко-Волыньского княжества в рассматриваемый период не претерпел особых изменений по сравнению с первоначальным периодом русской государственности. Все свободное население Галицко-Волыньского княжества не знало сословных делений и пользовалось одинаковыми правами, хотя группы населения различались по своему фактическому положению, богатству и влиянию в обществе.

Общественные верхи представляли люди или мужи, в частности «мужи галицкие». Это были крупные вотчинники, игравшие наиболее важную роль, которые уже в XII в. выступают

против любых попыток ограничения их прав в пользу княжеской власти и растущих городов. Сюда же можно отнести военно-торговую аристократию, а также вооруженное купечество больших и малых торговых городов.

К высшему слою населения принадлежали и служилые феодалы. Как правило, это было служилое княжеское боярство и высший слой княжеских дружинников. Для укрепления своего материального благосостояния и социально-политического влияния местная знать группировалась вокруг князя, поступая на службу в княжескую дружину. Источниками их земельных владений становились княжеские пожалования, конфискованные и перераспределяемые князьями боярские земли, а также захваченные общинные земли. В подавляющем большинстве случаев они владели землей условно, пока служили. Служилые феодалы поставляли князю войско, иногда довольно многочисленное, состоявшее из зависимых от них крестьян. Это была опора галицко-волинских князей в борьбе с боярством.

Раздробление Древней Руси на уделы обуславливало существование не одного, а многих православных «центров», из которых распространялись на окрестные области начатки просвещения и христианских нравов. Каждый стольный город являлся также и религиозным центром, а каждый князь в своем уделе должен был непосредственно помогать делу церкви. В результате к феодальной верхушке стала принадлежать и крупная церковная знать в лице архиепископов, епископов, игуменов монастырей, которые владели обширными землями и крестьянами. Церковь и монастыри приобретали земельные владения за счет пожалований и дарений князей. Нередко они, пользуясь покровительством князей, подобно им и боярам, захватывали общинные земли, превращая крестьян в монастырских и церковных феодально-зависимых людей.

К средним общественным слоям можно причислить рядовых княжеских дружинников и среднее городское купечество.

Что касается низших слоев, то это было городское и сельское простонародье, носившее общее название смердов, но преимущественно слово смерды означало сельское или крестьянское население. Смерды в Галицко-Волинском княжестве составляли основную массу населения. Рост крупного землевладения и формирование класса феодалов сопровождалось установлением фео-

дальной зависимости и появлением феодальной ренты (рента — всякий регулярно получаемый доход с капитала, земли, имущества, не требующий от получателя предпринимательской деятельности). С ростом числа зависимых от феодала людей использование их труда в вотчинном хозяйстве становилось основой экономической мощи князя-феодала. Поэтому такая категория, как холопы, почти исчезла. Холопство слилось с крестьянами, сидевшими на земле, превратилось в дворцовую челядь, прикрепились к земле, наделилось правосубъектностью (холопы — в Русском государстве категория феодально-зависимого населения как элемент рудиментарного — пережиток недоразвитого, исчезающего, остаточного явления — патриархального рабовладения).

Как уже отмечалось, в Галицко-Волынском княжестве было много городов. Их в предмонгольский период насчитывалось свыше 80. Крупнейшими из них были Владимир-Волынский, Перемышль, Теревовль, Галич, Берестье, Холм, Дрогичин, Коломыя, Ярославль, Звенигород и другие.

С того времени как Галицкая и Волынская земли объединились в единое Галицко-Волынское княжество (1199 г.) и составили сильное самостоятельное государство, центром его, т. е. стольным городом, стал Галич. Он расположился на правом возвышенном берегу Днестра. Его главной святыней был соборный храм Богородицы, который по своему стилю не отличался от древнекиевских храмов. Однако Галицкий край лежал ближе к Византийской империи, чем другие русские земли, и находился с нею в деловых отношениях, торговых, политических и особенно церковных. Собор Богородицы, отличавшийся большими размерами и прочностью своей постройки, устоял до нашего времени при всех постигших его переворотах и переделках.

Значительную часть жителей городов Галицко-Волынского княжества составляли ремесленники и торговые люди. В городах находились ювелирные, гончарные, кузнечные и другие мастерские, продукция которых шла не только на внутренний, но и на внешний рынок. Река Днестр служила главной артерией Галицко-Волынского княжества и представляла значительное судовое движение к Черному морю. Именно по Днестру сплавлялось много судов, нагруженных солью — важнейшим продуктом нагорной Галиции. Торговля солью приносила большие доходы.

Будучи средоточием ремесла и торговли, Галич получил известность и как культурный центр. Именно здесь была создана особая Галицко-Волынская летопись, которая является продолжением Киевского летописания, прославляя род Владимира Мономаха. Особенность Галицко-Волынской летописи (создана в XIII в.) в том, что она написана на общерусском книжном языке того времени, а не на местном наречии. Кроме того, в Галиче были найдены другие письменные памятники XII—XIII веков. В частности грамота, данная в 1134 г. купцам месеврийским (Месеврия — болгарская гавань на Черном море)³.

Государственный строй. Особенностью государственного устройства Галицко-Волынской земли было то, что она долгое время не делилась на уделы, т. е. в отличие от многих других русских земель сохраняла единство, хотя власть в ней принадлежала крупному боярству. Власть же князей была непрочной, хотя и передавалась по наследству: место умершего отца занимал старший из сыновей. Однако соотношение классовых сил было таково, что галицкое боярство распоряжалось даже княжеским столом, т. е. по своему усмотрению приглашало и сменяло князей. История Галицко-Волынского княжества полна примеров, когда князья, потерявшие поддержку верхушки боярства, были вынуждены отправляться в изгнание. Для борьбы с князьями бояре активно использовали помощь европейских рыцарей (венгерских и польских). Несколько галицко-волыньских князей бояре повесили.

Бояре осуществляли свою власть с помощью совета, куда входили крупнейшие землевладельцы, епископы и лица, занимавшие высшие государственные должности. Князь не имел права созывать совет по своему желанию, не мог издавать ни одного акта без его согласия. Поскольку в состав совета входили бояре, занимавшие крупные административные должности, ему фактически подчинялся весь государственный аппарат управления.

Галицко-Волыньские князья время от времени при чрезвычайных обстоятельствах созывали вече, но оно не имело особого влияния. Князья принимали участие в общерусских феодальных съездах. Изредка созывались съезды феодалов и самого Галицко-Волынского княжества. Здесь раньше, чем в других русских землях периода феодальной раздробленности, возникло дворцово-вотчинное управление.

Территория государства делилась на тысячи и сотни. По мере того как тысяцкие и сотские со своим управленческим аппаратом постепенно входили в состав дворцово-вотчинного аппарата князя, вместо них возникли должности воевод и волостелей. Территория княжества, соответственно, была разделена на воеводства и волости. В общинах избирались старосты, которые ведали административными и мелкими судебными делами. В города князьями назначались посадники. Они обладали не только административной и военной властью, но и выполняли судебные функции, собирали дани и пошлины с населения.

Право. Правовая система Галицко-Волынского княжества почти не отличалась от правовых систем, существовавших в других русских землях периода феодальной раздробленности. Здесь продолжали действовать нормы Русской Правды, только несколько видоизмененные (Сокращенная редакция Русской Правды).

Галицко-волыньские князья издавали, как правило, и свои собственные нормативные и правовые акты, поскольку обладали определенными административными, военными и законодательными полномочиями. Так, среди нормативных актов, изданных галицко-волыньскими князьями, заслуживают упоминания Уставная грамота Ивана Берладника (1134 г.), предусматривавшая ряд льгот для иностранных купцов (в этой грамоте «Иван Ростиславич, князь Берладский», освобождает чешских, венгерских и других купцов от мыта при складке привезенных ими товаров в Малом Галиче; но при вывозе из сего города за разные, купленные в его земле товары, русские, угорские и чешские, они должны платить мыт)⁴, а также Рукописание князя Владимира Васильковича, касающееся норм наследственного права (1287 г.). Около 1289 г. была издана Уставная грамота волыньского князя Мстислава Даниловича, в которой регламентировались повинности феодально-зависимого населения Юго-Западной Руси.

4. НОВГОРОДСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

Своеобразно развивалась Северно-Западная Русь, где были расположены Новгородская и Псковская земли. Псков первоначально входил в состав Новгородской земли (1136—1478 гг.) и

только потом в 1348 г. добился независимости. Поэтому историю их нужно рассматривать вместе.

Древнее ядро Новгородско-Псковской земли составляли земли между Ильменем и Чудским озером и по берегам рек Волхова, Ловати, Великой, Мологи и Мсты, которые делились в территориально-географическом отношении на пятины, а в административном — на сотни и погосты. Новгородские «пригороды» (Псков, Ладога, Старая Русса, Великие Луки, Бежичи, Юрьев, Торжок) служили важными торговыми и военно-опорными пунктами внутри и на границах земли. Крупнейшим пригородом, занимавшим в системе Новгородской земли особое, автономное положение («младшего брата» Новгорода), был Псков, отличавшийся развитым ремеслом и собственной торговлей с Прибалтикой, немецкими городами и с самим Новгородом. Во второй половине XIII в. Псков фактически стал самостоятельной феодальной республикой. Падение самостоятельности Пскова связано с собиранием русских земель вокруг Москвы. В 1510 г. земли Пскова были присоединены к Московскому государству.

С XI в. началась активная новгородская колонизация Карелии, Подвинья, Прионежья и обширного Северного Поморья, ставших новгородскими колониями. Вслед за крестьянской колонизацией (из Новгородской и Ростово-Суздальской земель) и новгородскими торгово-промысловыми людьми туда продвигались и новгородские феодалы. В XII—XIII вв. там уже имелись крупнейшие вотчинные владения новгородской знати, не допускавшей проникновения в эти районы феодалов из других княжеств и создания там княжеской собственности.

В XII в. Новгород (основан в 864 г.) был одним из крупнейших и наиболее развитых городов на Руси. Возвышению Новгорода способствовало его исключительно выгодное расположение в начале важных для Восточной Европы торговых путей, связывавших Балтийское море с Черным и Каспийским морями. Это предопределяло значительную долю посреднической торговли и торговых связей Новгорода с другими русскими землями, с Волжской Болгарией, Прикаспием и Причерноморьем, Прибалтикой, Скандинавией и северо-немецкими городами. Торговля Новгорода опиралась на развитые в Новгородской земле ремесло и различные промыслы. Новгородские ремесленники, отличавшиеся широкой специализацией и профессиональным мастерством,

работали в основном на заказ, но часть их изделий поступала на городской рынок, а через купцов-скупщиков — и на внешние рынки. Основу экономики, наряду с названными выше торговлей и ремеслом, составляло земледелие.

Особенностью исторического прошлого Новгорода было новгородское республиканское управление, обусловленное своеобразием общественно-политического развития этой земли, которое выражалось в следующем:

1. В период своего расцвета Новгородская земля не знала опустошительных набегов, что позволило сохраниться самобытности развития, многим памятникам древнерусской письменности и производственно-материальным ценностям.

2. Огромные размеры (больше территории современной Франции) республики по сравнению с городами-республиками феодальной Европы создали особую форму правления.

3. Самобытность Новгородской земли не отделяла ее от остальной Русской земли.

Причины, вызвавшие своеобразие развития русских северо-западных земель, были заложены еще в процессе складывания государственности у приильменских славян. В отличие от Приднестровья, где власть в государстве захватили представители военной знати, господствующее положение в государстве заняла старая племенная знать.

Кроме того, новгородские князья (до распада единого Древнерусского государства на ряд отдельных полусамостоятельных княжеств и земель), посылаемые из Киева, снова возвращались в Киев для занятия киевского престола. Поэтому князья-посадники не стремились создавать в Новгороде собственное доминирующее землевладение, рассматривая свое пребывание в Новгороде как временное, а Новгород — в качестве трамплина для утверждения в Киеве. Это привело к тому, что князья не создали в Новгороде необходимой экономической и социальной базы. Новгородская знать, обретя к концу XII в. достаточно сил для обеспечения своих классовых интересов, добилась с 1126 г. замены посадников, назначаемых киевским князем, посадниками, избираемых вече, а после народного восстания 1136 г. провозгласила в Новгороде боярскую аристократическую республику и полностью освободилась от власти Киева ⁵.

После распада Древнерусского государства Новгородская земля стала одним из самых значительных государственно-правовых образований периода феодальной раздробленности. Борьба Новгорода со шведско-немецкой агрессией сыграла огромную роль в сохранении национальной самобытности, которая подвергалась особенно большой опасности во время установления монголо-татарского ига.

Более 300 лет просуществовала республика. Внутренние противоречия, обострение классовой борьбы привели к ее ослаблению. Новгород был присоединен к Московскому государству несмотря на сопротивление боярства, тяготевшего в большинстве своем к Литве. В 1478 г. Новгородская республика перестала существовать. Новгород окончательно вошел в состав Московского государства.

Общественный строй. Во главе новгородского общества (городского и сельского) стоял сильный, влиятельный и богатый класс феодалов, владевший землей, лесами, водными угодьями. Как и в других землях Руси, здесь существовали светские и духовные феодалы. К духовным относились монастыри и высшие духовные иерархи: архиепископ, епископ, настоятели монастырей. Монастырское землевладение росло достаточно быстро, многие светские феодалы передавали по завещаниям свои земли на помин души, часто монастыри покупали землю, были и случаи захвата ими земель как общинных, так и незанятых. В то же время монастыри практически не отчуждали свои владения, в качестве исключения могут рассматриваться сделки по продаже монастырями земли. Исключалось и дробление церковных земель, свойственное светскому землевладению. Обширные земли давали Новгородской епархии значительные доходы, которые пускались духовенством в торговый оборот. Церковь в Новгороде и в Пскове объявила себя покровительницей эталонов мер и весов, скрепила международные торговые договоры. Все это сделало церковь и высшее духовенство влиятельной силой в обеих феодальных республиках.

К светским феодалам относились бояре, житыи люди (т. е. зажиточные), в известной мере своеземцы (земцы в Пскове). В Новгородской земле рано сложилось и стало господствующим крупное боярское, а затем и церковное землевладение. Специфика положения князей в Новгороде, присылаемых из Киева в

качестве князей-наместников, исключавшая возможность превращения Новгорода в княжество, не способствовала сложению крупного княжеского домена, ослабляя тем самым позиции княжеской власти в борьбе с олигархическими устремлениями местного боярства. Следовательно, важнейшей особенностью Новгорода и Пскова было отсутствие княжеского домена и наличие землевладения городской общины.

Указанная особенность позволяет выделить в новгородском боярстве две группы. Первая — это наиболее влиятельная группа феодалов, которая уходит своими корнями в родоплеменную власть. Эта группа бояр возникла, как и в других областях Руси, отчасти из древней местной знати, отчасти из старшин дружинников, пришедших с русскими князьями на север. В основе их политического могущества лежало богатство, накопленное не только в результате использования доходов от общественных земель Новгорода, выступавшего в качестве коллективного феодала, но и от занятий торговлей и ростовщичеством.

Дело в том, что в Новгороде эта группа бояр ранее, чем в других землях сделалась оседлым землевладельческим сословием. Когда к XIV в. в Новгороде сложилось уже и индивидуальное землевладение боярства, последние, используя наличие товарно-денежных отношений, начали принимать активное участие и в торговых делах, ревностно охраняя свои исключительные права занимать высшие выборные должности в республике.

Вторая группа боярства — это члены городской общины, которые имели исключительное право на приобретение вотчин из земель, тяготеющих к городу. Это был особый вариант социально-политического развития феодальных отношений, когда имело место сосредоточение крупного феодального землевладения в руках местной городской общины. Данное обстоятельство определяло важную роль членов городской общины в политической жизни республики благодаря их имущественному положению. В отличие от Новгорода в Пскове отсутствовало крупное боярское землевладение в связи с небольшими размерами республики.

Дружина, пришедшая с князьями на север, т. е. в Новгородскую и Псковскую земли, помимо старшин, выделила из своей среды младших дружинников или гридей, которые также примкнули к местному зажиточному сословию, но за ними еще сохра-

нялась военная обязанность: они по преимуществу составляли гарнизоны в городах и лучшую часть земского ополчения.

В целом бояре — это крупные землевладельцы. Они занимали высшие должности в государственном аппарате — посадника, наместника, архиепископа, входили в совет бояр (совет господ), направляя внутреннюю и внешнюю политику Новгорода.

Хотя в Новгородской Судной грамоте (статьи 6, 10) житьи люди упоминаются рядом с боярами⁶, тем не менее они, т. е. житьи люди, находились ниже бояр на социальной лестнице. Житьи люди — новгородские домовладельцы и землевладельцы средней руки — иногда владели внушительными материальными ценностями, однако не могли войти в боярство, т. к. вели свое происхождение из низов. Как и бояре, житьи люди тоже имели земли, населенные крестьянами, оставаясь при этом так же, как и бояре, горожанами. Участвовали житьи люди и в торговле. Однако главным, что определяло их статус, было именно землевладение.

Известна и такая категория землевладельцев, как своеземцы или земцы. Ими были мелкие и мельчайшие земельные собственники. В большинстве случаев они формировались в результате разорения житьих людей, распада земельной собственности городской общины или покупки небольших земельных участков у крестьян, вышедших из сельской общины. Большей частью своеземцы жили в городе. Поэтому в сельскую общину они не входили, но пользовались привилегиями члена городской общины. Будучи измельчавшими житьими людьми, своеземцев, однако, следует отнести к мелким феодалам.

Итак, характерной особенностью землевладения в феодальных республиках являлось то, что основной землевладельческой группой были горожане. Члены городской общины имели исключительное право на приобретение вотчин из земель, тяготеющих к городу. Вече определяло режим этих земель. Запрещалась передача их иногородним, в том числе даже князю. В случае особых заслуг перед городом вече могло пожаловать землю. Тем самым проявлялась интересная особенность феодальных вотчин вечевых городов: это землевладение, свободное от отношений сюзеренитета-вассалитета; вотчинник сохранял связи лишь со своей городской общиной.

В составе городского населения следует выделить купцов, ремесленников, малодших людей.

Сословие купцов или гостей в Новгороде было многочисленно и влиятельно. Хотя торговлей мог заниматься каждый гражданин, со временем выделился особый купеческий класс со своими обычаями, уставами, со своим особым судом. Основным занятием купцов была внутренняя и внешняя торговля, однако, как и каждый горожанин, они могли быть и землевладельцами. На это указывают статьи 17 и 18 Новгородской Судной грамоты, упоминая купца наряду с боярами и житыми людьми при разрешении споров о земле ⁷.

Являя собой весьма значительную и влиятельную социальную группу новгородского общества, купцы должны были принадлежать к известной сотне, т. е. к известной купеческой общине, и сделать свой вклад в общинный капитал.

Согласно статье 7 «Рукописания князя Всеволода» — ценнейшего памятника, дошедшего до Новейшего времени устава купеческой корпорации и датированного XIII в., в Новгороде существовала организация наиболее состоятельного купечества, члены которой именовались пошлыми (т. е. исконными) купцами. Состояла эта организация при церкви святого Иоанна Предтечи на Опоках. Чтобы стать членом такой организации, необходимо было внести 50 гривен серебра (около 10 кг). Лица, совершившие этот вклад, приобретали наследственное членство в организации.

Организация пошлых купцов, именуемая в «Рукописании» иванским купечеством, руководствовалась в своей деятельности существующим уставом. В уставе определялся порядок управления Иванским сто, т. е. Иванской организацией пошлых купцов. Поскольку купцы объединялись вокруг церкви, то, как и положено прихожанам, избирали старост: одного от житых и черных людей и двух от купцов. Старосты разбирали как внутрицерковные проблемы, так и споры иванских купцов с иностранными и новгородскими купцами. Иванская организация в решении своих дел была вполне самостоятельна, и посадник не участвовал в рассмотрении таких споров. Ивановской купеческой корпорации принадлежало право избрания одного из высших должностных лиц Новгорода — тысяцкого.

В Новгороде существовали и другие купеческие организации. Об одной из них, объединяющих купцов, которые вели заморскую торговлю, свидетельствует построенная в 1156 г. цер-

ковь Параскевы Пятницы на новгородском Торгу. Особая организация существовала и у прасолов (купцов, торгующих скотом), поставивших в 1403 г. в Новгороде церковь святых Бориса и Глеба ⁸.

Купцы всех указанных корпораций наравне с боярами участвовали в посольствах, судебных и других общественных должностях. Купцы не были избавлены от военной повинности и в случае необходимости входили в состав земской рати.

Ниже купцов на социальной лестнице стояла остальная масса городского населения. Это были так называемые черные, малодшие люди, к которым относились мастера, ученики, ремесленники, наемные рабочие (наймиты) — плотники, каменщики, гончары, кузнецы и т. д. Это были лично свободные, но лишенные средств производства городские жители. Однако, как члены городской общины, они пользовались некоторыми привилегиями, в частности, при покупке земель, расположенных в черте и вблизи города, принимали участие в местном самоуправлении, обладали податным иммунитетом. В самом низу социальной лестницы находилась городская гольтьба.

Все слои свободного городского населения пользовались одинаковыми гражданскими и политическими правами и, принимая участие в вечевых собраниях, образовывали политическую общину, которой юридически принадлежала верховная власть во всем Новгородском государстве.

Основными производителями материальных благ в Новгороде было сельское население. Это было феодально-зависимое население, включавшее в себя крестьян, половников, холопов. Сельское население объединялось в особые общины, носившие название погостов. В погостах существовало самоуправление. Народ собирался на сход (преимущественно по воскресным дням) к церкви своего погоста. Здесь выбирали старост, решали вопросы сбора и расклада податей, исполнения повинностей, обсуждали свои нужды и творили суд.

Большая часть крестьян находилась в зависимости от феодального государства. Эту большую часть сельнян (сельского населения) составляли смерды. Смерды жили на государственных землях Великого Новгорода, а также на землях церкви и землях вотчинного землевладения. Они выполняли повинности в пользу государства, платили налоги и, по сути, прикреплялись к земле.

Крестьяне, зависимые от отдельных феодалов, смердами не именовались. Если крестьянин, зависимый от конкретного феодала, в случае бегства возвращал последнему долг, то беглого смерда необходимо было возвращать в свой погост. Монастырские крестьяне назывались сиротами. А в целом тенденция постепенного увеличения количества крестьян, зависимых от феодалов, получила необратимый характер, поскольку была увязана с ростом вотчинного землевладения. Этот тандем сопровождался самовольным захватом крестьянских земель, покупкой феодалом земельного участка общинника, вышедшего из крестьянской общины, находившейся в процессе разложения.

Лично свободными и подлежащими юрисдикции государственных судебных органов были половники. Это были люди, работающие из половины урожая за последний год. Половник был зависим от господина-государя и отдавал ему половину своего урожая в уплату феодальной повинности (Псковская Судная грамота, статья 43).

В свою очередь половники делились на категории изорников, огородников и кочетников. Изорник, огородник, кочетник — представители феодально-зависимого крестьянства, отличавшиеся по профессиональному признаку (изорник — пахарь; огородник — обрабатывающий огород; кочетник — рыболов). Статья 42 Псковской Судной грамоты объединяет их в одну группу, так как они занимают одинаковое положение относительно феодала-государя. Государь имел право отпускать изорника, огородника и кочетника, живших не на своей земле, а в селе государя, в день Филиппова заговенья, т. е. 14 ноября по старому стилю, при условии выплаты всех долгов. Это положение можно сравнить с Юрьевым днем по великокняжескому Судебнику 1497 г. (статья 57).

Поземельная зависимость изорника от государя не делала его лицом недееспособным *. В частности, статья 76 Псковской Судной грамоты допускает обращение с жалобой к властям, если

*Дееспособность — это способность гражданина или юридического лица своими действиями приобретать права и создавать для себя обязанности. Полной дееспособностью обладают граждане по достижении совершеннолетия. Для юридических лиц дееспособность — то же, что и правоспособность.

изорник считал, что в отношении к нему была допущена ошибка. Если в Филиппов день, т. е. в день, когда государь имел право отпускать (дать отрок) изорника, огородника, кочетника, последние отказывались уходить, оспорив отрок и доказав при этом свою правоту, государь лишался четверти урожая, части огородной продукции или части рыболовного улова (статья 42 Псковской Судной грамоты). И тем не менее степень зависимости изорника от господина определялась размерами господского землевладения. Чем крупнее был землевладелец, тем прочнее он был связан с изорником письменными обязательствами, возлагавшими на изорника дополнительные повинности (статья 75 Псковской Судной грамоты).

Низшую ступень социальной лестницы в Новгороде и Пскове занимали холопы. Они были слугами в боярских дворах и рабочими в крупных боярских вотчинах. Холопы находились в зависимом положении от своих господ. В Новгородской земле полный холоп, т. е. человек, полностью зависимый от господина, назывался одерноватым холопом. Купля-продажа холопа оформлялась одерноватой грамотой. Дети и жены холопов, передаваемых по наследству, оставались свободными. Беглые холопы возвращались их хозяевам, которые отвечали за них в случае совершения ими преступления по делам частного обвинения (статья 37 Новгородской Судной грамоты).

Государственный строй. Особенностью государственного строя Новгорода была республиканская форма правления. Углубление процесса феодализации (в данном случае речь идет о четко обозначившейся тенденции к удельной форме государственного устройства Киевской Руси) уже в начале XI в. усилило борьбу верхушки за обособление от власти киевских князей, интересы которых в ряде случаев резко расходились с интересами новгородского боярства. В ходе восстания 1136 г. боярство и купечество Новгорода провозгласили боярскую аристократическую республику, и в знак независимости их княжеской власти Новгород стал именоваться Господин Великий Новгород. С достижением независимости Псков также стал называться Господин Псков. Высшим органом власти в обеих республиках считалось вече главных городов, т. е. собрание жителей городских общин. Участие крестьян в вече не предусматривалось.

Обычно в Новгороде вече собиралось на торговой стороне города, на так называемом Ярославовом дворище, по зову вечевого колокола, висевшего недалеко от церкви святого Николая. В Пскове вече собиралось на площади перед Троицким собором.

Другим местом для веча в Новгороде служила иногда площадь у Софийского собора. Это происходило тогда, когда разногласия между новгородцами достигали наивысшего предела. Собравшиеся на Софийской и Торговой сторонах шли навстречу друг другу, чтобы с помощью силы на Большом мосту через Волхов выяснить, кто же прав. Случаи смут и раздоров превращали вече в орудие, которое использовали те или иные группировки в своих интересах, добиваясь нужного для себя решения от имени всего народа. Как и в других государствах с элементами демократического правления, в Новгороде знатные люди или бояре, благодаря своим богатствам и связям, узурпировали представительство черных людей и с его помощью влияли на постановления веча. Главные их усилия направлялись на то, чтобы захватить в свои руки высшие должности, что помогало боярской олигархии увеличивать свое богатство, связи и влияние, проводить через вече свои решения, направленные, в том числе и на ограничение княжеской власти.

Некоторые особенности имело псковское вече. Отсутствие крупного боярского землевладения в республике делало боярство не настолько сильным, чтобы сосредоточить в своих руках всю политическую власть. Военная опасность, постоянно угрожавшая Пскову, усиливала роль князя, что, в свою очередь, также ослабляло политическую роль боярства. Поэтому вече в Пскове в значительно большей степени, чем в Новгороде, учитывало интересы городской общины.

Компетенция веча как высшего органа власти в республиках была всеобъемлющей. Вече было наделено правом избирать и сменять сановников, включая и архиепископа, являясь одновременно высшей судебной инстанцией. Вече решало вопросы объявления войны и заключения договоров, устанавливало подати и повинности, отменяло и принимало всякого рода постановления, одобряло или не одобряло основные внутривнутриполитические и внешнеполитические мероприятия, принимало законы. Именно вечем был принят и в 1471 г. утвержден новгородский судебник, известный под названием Новгородской Судной грамоты. На вече

решались вопросы призвания князей и заключения с ними ряда, т. е. договора, указывающего князю путь, иными словами, стро-го оговаривающего княжескую компетенцию.

Вече имело свою канцелярию, во главе которой стоял вече-вой дьяк — секретарь. Приговоры, постановления, вечевые гра-моты записывались и хранились вечевым дьяком и его помощни-ками и подьячими. Записанная документация скреплялась печатя-ми Господина Великого Новгорода. Вся вечевая документация пи-салась от имени всего Новгорода — его правительства и народа.

Политическая история Новгорода свидетельствует о том, что основная масса городского плебса, проживавшая на землях и в усадьбах феодалов на положении арендаторов или кабальных и феодально-зависимых людей, была неправомочна участвовать в вынесении вечевых приговоров. Но благодаря гласности вече, собиравшегося на Софийской площади или Ярославовом двори-ще, народ мог следить за ходом вечевых прений и своей бурной реакцией нередко оказывал на вече известное давление, тем бо-лее что вече не созывалось периодически, в определенные сро-ки, а лишь тогда, когда в этом возникала необходимость и ре-шения на вече принимались, конечно, большинством голосов. Однако голоса не считались: обычно вопросы решались огуль-ным криком или большинством на глаз.

Чтобы избежать подобной практики, инициативу созыва вече брали на себя высшие должностные лица (обычно созывал вече и председательствовал на нем посадник, также вече мог созвать князь или любая группа граждан). Они готовили повест-ку дня и проекты решений. И вот именно от них во многом зависело принятие тех или иных решений. В принципе это был орган, который действительно обладал всей полнотой власти и назывался Осподой или Советом господ в Новгороде и Господой в Пскове. В Осподу входили высшие выборные должностные лица, наиболее крупные и влиятельные бояре. Возглавлялась Оспода архиепископом.

Совет господ и Господа в силу своего имущественного по-ложения держали в руках вече, оказывали влияние на должнос-тных лиц и, не обладая законодательными правами, всегда про-водили через вече решения, которые были угодны правящей боярской группировке. В Новгороде Совет господ насчитывал около 50 человек, в Пскове в Господу входил князь (помимо

посадников и сотских). Совет господ и Господа собирались по мере надобности и решали важнейшие вопросы государственной жизни: подбирали кандидатуры князя, посадника, должностных лиц, готовили вечевые собрания, необходимые документы, решали вопросы внешней политики.

Итак, вечевой строй в Новгороде и Пскове был своеобразной феодальной демократией, одной из форм феодального государства, в котором демократические принципы представительства и выборности должностных лиц на вече создавали иллюзию народовластия, участия «всего Новгорода» в управлении, но где в действительности вся полнота власти была сосредоточена в руках бояр и привилегированной верхушки купечества. Считаясь с политической активностью городского плебса, бояре умело использовали демократические традиции кончанского самоуправления в качестве символа новгородской власти, прикрывавшего их политическое господство и обеспечивавшего им поддержку городского плебса в борьбе с княжеской властью.

Новгородская и Псковская администрации существенно отличались от системы управления княжеств периода феодальной раздробленности. Во главе этих администраций стояли должностные лица, избираемые на вече. Высшим должностным лицом в обеих республиках были посадники.

Во главе управления в Новгороде стоял посадник — первое по важности должностное лицо, избиравшееся на вече из представителей знатнейших боярских фамилий. Посадник был председателем на вече, контролировал деятельность князя, выполнял вместе с ним важнейшие функции (командование вооруженными силами, суд), ведал администрацией, внешнеполитическими делами, следил за взысканием податей с населения с особым пристрастием, поскольку именно в пользу посадника и тысяцкого шел поземельный налог, значившийся в Новгороде как поралье.

Будучи главой республики, посадник, состоявший в должности, назывался степенным. Являясь по преимуществу председателем народного веча, посадник в процессе его работы (работы веча) сидел на возвышенном помосте или на вечевой ступени, устроенной на Дворе Ярослава при церкви святого Николая. Покидая должность, посадник навсегда сохранял свое звание и переходил в число старых посадников, которые пользовались особым почетом перед другими боярами и принимали участие в

важных делах, то есть были воеводами, судьями, возглавляли посольства, заключали договоры и т. д.

Второе по значению должностное лицо в Новгороде — тысяцкий. В Пскове избирали вместо тысяцкого еще одного посадника. Тысяцкий возглавлял систему, оставшуюся от древней численной системы управления. Эта система предполагала наличие в городе 10 сотен, которыми и ведал тысяцкий. В Пскове же 10 сотен не набиралось: отсюда не тысяцкий, а еще один посадник.

Согласно статье 5 Рукописания князя Всеволода, тысяцкого избирали из числа лиц небоярского происхождения, поскольку он представлял интересы житых и черных людей. Со временем, однако, эта должность была узурпирована боярством и избранный тысяцкий, так же как и посадник, стал называться степенным. Тысяцкий, возглавляя систему сотских, ведал, прежде всего, торговлей и судом по торговым тяжбам. Помогая посаднику, тысяцкий решал и другие вопросы управления, тяготая, однако, больше к военным вопросам.

Важнейшую роль в политической жизни Новгорода играл архиепископ (владыка). Архиепископ Софийского собора был не только главой новгородской церкви, но одновременно и лицом, имевшим значительные prerogatives политической власти. Как и другие должностные лица, архиепископ не назначался митрополитом, а начиная с 1156 г. избирался на вече. Архиепископ, как уже говорилось, возглавлял Совет господ, представлял Новгород во внешних сношениях, скреплял печатью договоры и грамоты Новгорода, а с первой половины XIV в. ведал и всеми тяжбами по земельным делам. Церковь непосредственно участвовала в торговле и осуществляла контроль над мерами длины, веса и т. п. Локоть иванский (эталон меры длины для измерения тканей, принадлежавший церкви Ивана на Опоках), гривенка рублевая (эталон веса серебра, равный половине веса гривны-фунта), складыв вощаные (весы для взвешивания воска) и т. п. хранились в церкви. Суд высшей инстанции заседал в резиденции владыки. Архиепископ вершил также и церковный суд.

Победа республиканского строя не привела к ликвидации князя как политической фигуры в Новгороде. Наоборот, своеобразный политический строй, в котором республиканские органы управления встали рядом и над княжеской властью, нуждался в князе и его дружине для борьбы с антифеодальными

выступлениями народных масс и для защиты Новгорода от внешней опасности.

Вместе с тем княжеская власть в Новгороде приобретала все более служебно-исполнительный характер, подвергалась регламентации и была поставлена под контроль посадника (прежде всего в области суда, который князь стал вершить вместе с посадником). По мере того как политический строй в Новгороде неуклонно приобретал ярко выраженный боярско-олигархический характер, права и сфера деятельности княжеской власти неуклонно сокращались.

Князья приглашались в Новгород после того, как их кандидатура предварительно обсуждалась на Совете господ. Затем эта кандидатура рекомендовалась вече, после чего с князем заключался договор, подробно регламентирующий его права и обязанности.

Возглавляя управление и суд, но, действуя под контролем и вместе с посадником, князь обязан был организовать оборону земли. В Новгороде князь не имел права освобождать от должности выборных лиц. Не мог князь без согласия посадника самостоятельно назначать на невыборные должности. В договорах подробно предусматривались размеры и источники вознаграждения князей, в частности дары от волостей, судные и проезжие пошлыны. Специально оговаривалось запрещение князю, его жене, его людям принимать кого-либо из новгородцев в личную зависимость, а также приобретать земельную собственность во владениях Великого Новгорода. Все, что предоставлялось в распоряжение князя, запрещалось дарить, продавать, обменивать и т. д. Князю было запрещено вести заграничную торговлю самостоятельно, без посредничества новгородских купцов. Одновременно он должен был создавать новгородским купцам режим наибольшего благоприятствования в своем княжестве. Князь со своим двором должен был проживать за чертой города — на Городище. Неисполнение князем договора с вечем давало новгородцам право арестовать и изгнать князя за пределы Новгородской земли. Несколько иным было положение князя в Пскове. Там он мог назначать своих наместников в пригороды Пскова.

Известно, что Новгородская земля занимала территорию, которая простиралась от Финского залива до Урала, от Северного Ледовитого океана до верховьев Волги. Сам Новгород был крупным густонаселенным городом, возникшим в результате

сращения нескольких поселений и делившимся на две стороны — Софийскую и Торговую, которые, в свою очередь, делились на пять концов. Концы — это судебно-административные единицы, соответствующие исторически возникшим посадкам: Плотницкий, Славенский, Загородский, Неревский и Гончарский.

Концы избирали кончанского старосту, в них проходили свои кончанские веча. Концы, в свою очередь, делились на улицы, возглавлявшиеся уличанскими старостами, которых избирало уличанское вече.

Наряду с указанными самоуправлявшимися территориально-административными и политическими единицами продолжала действовать старая десятичная система управления, вписывавшаяся в новое административно-территориальное устройство, то есть в конце было две сотни. Сотни имели свой сход и избирали сотского. В военное время они представляли базу новгородского ополчения, хотя историк Д.И. Иловайский считает, что деление на сотни утратило свой военно-численный характер и означало деление земское⁹. Псков также делился на концы, которых было не пять, как в Новгороде, а шесть.

Управление остальной территорией государства осуществлялось из Новгорода и Пскова. Она делилась на земли, а позднее на пятины, хотя термин пятины для обозначения новгородских областей появляется уже после присоединения Новгорода к Москве.

Кроме столичных, в обеих республиках были и другие города, называвшиеся пригородами, где было свое вечевое устройство, функционировавшее, однако, под контролем присылаемых из Новгорода наместников (статья 3 Новгородской Судной грамоты).

Что касается Псковской феодальной республики, то в ее состав входили 12 пригородов, то есть городов и волостей, признававших власть Пскова. Несмотря на то что пригороды были вечевыми городами и самостоятельно избирали администрацию, наместников в пригороды присылали из Пскова (статья 5 Псковской Судной грамоты).

Для судебных систем Новгорода и Пскова характерно широкое участие в правосудии веча, которое осуществляло суд по наиболее опасным для государства делам. Известны случаи, когда на вече производилось и дознание. Ни в Новгороде, ни в

Пскове князья не имели право судить единолично. Судили только вместе с посадниками или представителями бояр и житых людей (статья 4 Псковской Судной грамоты). На местах дела также рассматривались княжьими людьми вместе с представителями городских общин.

Тысяцкий и два купеческих старосты председательствовали в торговом суде. Статьи 5 и 6 Рукописания князя Всеволода подчеркивают независимость этого суда от посадника. Только в случае совершения преступления, в котором были замешены новгородские и иностранные купцы, суд по делу осуществлял посадник совместно с тысяцким и купеческими старостами.

Споры между духовенством, церковными людьми, а также дела, подлежащие церковной юрисдикции, решались церковным судом. Церковный суд по вечевому решению 1385 г. должен был осуществляться новгородским архиепископом при участии представителей новгородских бояр и житых людей (по два представителя от каждой из тяжущихся сторон). Одновременно был определен и состав суда посадника и тысяцкого, на которых также должны были присутствовать по два боярина и по два житых человека от каждой стороны.

Суду архиепископа Новгорода (владычный суд) были подсудны не только церковные люди, но и светские (бояре, житы — средние феодалы, малодшие — низшие слои городского населения).

Церковные люди подлежали церковному суду по всем преступлениям в соответствии с действовавшими в Новгороде церковными уставами (Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Синодальная редакция; Устав князя Ярослава о церковных судах. Краткая и Пространная редакции; Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых; Рукописание князя Всеволода, XIII век). Эти положения закрепляет статья 1 Новгородской Судной грамоты.

Дела, в которых одна сторона подлежала церковной юрисдикции *, а другая — светской, рассматривались судом со сме-

* Юрисдикция [лат. *jurisdictio* — судопроизводство, ведение суда] — 1) подсудность; право производить суд, решать правовые вопросы; 2) правовая сфера, на которую распространяются полномочия данного государственного органа.

шанным составом, то есть совместно представителями духовенства и городских властей (статья 109 Псковской Судной грамоты).

Был в ходу и суд братчины — суд соседской территориальной общины сельчан и уличан, совпадающей с церковным приходом. Суду братчины подлежали мелкие ссоры, кражи на пиру (статьи 34 и 113 Псковской Судной грамоты).

Право. Особенности Новгородско-Псковской земли получили достаточно яркое выражение в праве. Новгородская и Псковская земли до начала феодальной раздробленности имели в качестве основного правового источника Русскую Правду. Однако своеобразие общественно-политического строя, определившееся особенностями прежде всего экономического развития этого крупнейшего торгового и ремесленного центра Древней Руси, наложило отпечаток на содержание их правовых документов.

Важнейшими правовыми документами Новгорода и Пскова являлись главным образом Новгородская Судная грамота и Псковская Судная грамота.

Новгородская Судная грамота — важнейший юридический документ русского феодального права. Она дошла до нас не в подлиннике. Кроме того, документ не имеет конца, а часть имеющегося текста утрачена. Вопрос о времени составления Новгородской Судной грамоты дискуссионен. Исследователи относят ее к разным периодам XV века — 1440, 1446, 1456 годам. Дошедший до нас документ содержит 42 статьи.

Крупнейшим памятником русского феодального полицентризма (эпоха феодальной раздробленности на Руси) стала Псковская Судная грамота. Она отражает основные особенности права Псковской земли XIV—XV веков. В тексте грамоты отсутствуют многие нормы, известные Русской Правде. Она не содержит развернутых разделов о наказаниях за убийство и другие преступления. В ней нет статей об охране феодальной собственности, нет статей о смердах, закупах и холопах. Отсутствие этих статей свидетельствует о том, что соответствующие правовые нормы были хорошо разработаны в Русской Правде, имели и продолжали иметь общерусское значение, включая Новгород и Псков, вследствие чего и не попали в местный псковский кодекс законов. Внимание составителей грамоты приковано главным образом к тем вопросам, которые не были затронуты в Русской Правде, а также к тем, трактовка которых устарела или не отвечала усло-

виям псковской действительности XIV—XV веков (городская община и т. д.). Дошедшая до нас последняя редакция Псковской Судной грамоты относится ко времени после 1462 года.

Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой отражает новый этап развития русского феодализма — в этом ее ценность как исторического и историко-правового источника. Псковская Судная грамота сохранилась в составе статей 1—120 по принятому в настоящее время делению.

Кроме названных документов в Новгороде и Пскове действовали и другие правовые сборники — Русская Правда, Мерило Праведное [Мерило Праведное — пособие для судей в Древней Руси, составленное во второй половине XIII века. Состоит из двух частей. В первой — переводные и оригинальные понятия и наставления судьям (о праведных и неправедных судах). Во второй — церковные и светские законы], Кормчая книга [Кормчие книги (от др.-рус. кормчий — рулевой, правитель) — предназначенные для духовного, нравственного руководства («окормления») сборники церковных и светских нормативно-правовых актов и других материалов в средневековых славянских странах (на Руси с конца XIII в.)]. Если Русская Правда — это прежде всего памятник уголовного и процессуального права, то Псковская Судная грамота относится главным образом к области гражданского права, что объясняется развитием товарно-денежных отношений в Пскове и Новгороде.

Развитию товарно-денежных отношений способствовал тот факт, что феодалы Новгородской и Псковской республик, их крупнейшие землевладельцы были тесно связаны с торговлей и ремеслом. Кроме феодальной ренты, бояре получали доходы от торговли, ростовщичества, поборов с зависимых территорий. Поэтому, в отличие от Русской Правды, больше половины статей Псковской Судной грамоты посвящено нормам гражданского права. Причем в отличие от Западной Европы, где широко практиковалось римское частное право с использованием пригодных для нее норм, русский опыт самостоятельно вырабатывал целый ряд оригинальных институтов, вытекающих из потребностей общественной жизни.

Гражданское право. Псковская Судная грамота имеет ряд статей, закрепляющих институты вещного права, т. е. права на вещи, центральным из которых являлось право собственности.

Здесь юридическая регламентация права собственности была весьма высока. Вещи согласно грамоте делились на движимость — живот и недвижимость — отчина: термины, впервые появившиеся в рассматриваемом законе.

Для недвижимости устанавливался особый режим владения, о чем свидетельствуют статьи 88 и 100 Псковской Судной грамоты. Суть указанных статей сводилась к обеспечению сохранения имущества в пределах одного рода. В статьях 14 и 100 оговорены способы получения собственности как движимой, так и недвижимой. Среди способов приобретения права собственности Псковская Судная грамота упоминает давность владения (статьи 9, 106). Этот древнейший способ был закреплен в отношении пахотной земли и рыболовного участка. Основным же способом приобретения права собственности являлись договоры и наследование (статьи 14, 88, 89, 100). Псковская Судная грамота указывает также на находку и приплод (статьи 47, 56, 110, 118).

В Псковской Судной грамоте право на чужие вещи представлено кормлей. Статьи 72, 88, 89 свидетельствуют о том, что кормля — это условное землевладение, как правило, пережившего супруга. Переживший супруг мог до своей смерти, уходя в монастырь (что приравнялось к смерти) или до заключения нового брака владеть земельными и рыболовными угодьями, принадлежавшими умершему супругу. В случае продажи или заклада кормли владелец обязан был ее выкупить, а сама кормля у него отбиралась и передавалась наследникам. Статьи 72, 88, 89 Псковской Судной грамоты говорят об одном институте вещного права — права прижизненного пользования вещью (земля, рыболовный участок и другое имущество). В статье 72 говорится о кормле, данной по завещанию (рукописанию), а статьи 88 и 89 определяют право на кормлю пережившего супруга без завещания, т. е. по закону.

Псковская Судная грамота особое внимание уделяет залоговому праву. Согласно статье 28 заложенное имущество не переходило во владение залогодержателя. Возможен был залог движимого имущества и недвижимого.

В Псковской Судной грамоте весьма обстоятельно разработано обязательственное право, что обусловлено развитием товарно-денежных отношений. Основанное на обмене и частной инициативе, обязательственное право Новгорода и Пскова было до-

статочно развитым. Из 120 статей Псковской Судной грамоты одну треть, т. е. около сорока, статей можно отнести к обязательствам.

Псковская Судная грамота отдает явное предпочтение имущественной ответственности должников, письменным формам заключения сделок, равенству положения сторон в договорах без учета сословного положения. Свободные граждане не имели различий в гражданско-правовых отношениях и вступали в договоры на основе свободного волеизъявления и частной инициативы. В задачу государственных органов входила такая регламентация договора, которая обеспечивала ответственность сторон и устойчивый товарооборот.

Усложнение хозяйственной жизни общества вело к совершенствованию способов заключения договоров. Вместо громоздких, сопряженных с обрядностью и привлечением свидетелей способов заключения договоров, появлялись удобные письменные способы оформления различных сделок. Рост числа купеческих операций, увеличение количества их участников приводили к необходимости более серьезного оформления договоров.

Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды различала три способа заключения договора: устное соглашение, доска, запись*.

Устное соглашение. При заключении устных соглашений требовалось присутствие людей посторонних, т. е. свидетелей. Статья 51 Псковской Судной грамоты свидетельствует о том, что данный законодательный сборник вообще придает большое значение свидетельским показаниям (статьи 9, 27, 55, 56, 57).

Доска. Доска была простым домашним документом, составленным на доске или бересте. Копия такого документа в архив не сдавалась, поэтому его достоверность могла быть оспариваема. Согласно статьям 30 и 38 Псковской Судной грамоты давать деньги в долг по доске можно было в сумме до одного рубля включительно. Если кто-нибудь предъявлял иск на сумму свыше

* Согласно Русской Правде порядок заключения договоров был простым. Обычно применялась устная форма с совершением некоторых символических действий: рукобития, связывания рук и т. п. В некоторых случаях требовались свидетели. Есть сведения о существовании и письменной формы заключения договоров о недвижимости.

одного рубля и в подтверждение своих требований предъявлял доску, то такой документ не имел силы.

Запись. Основным способом заключения договора была запись. Запись представляла собой письменный документ, копия которого сдавалась на хранение в архив Троицкого собора. Статьи 14 и 73 Псковской Судной грамоты регулируют широкий круг отношений, касающихся письменного заключения договоров. В частности, если письменный договор был оформлен надлежащим образом, то обязательства из договора распространялись и на наследников — в любом случае и в полном объеме. Записью оформлялись договоры купли-продажи земли, хранения, займа на большие суммы, изорничество (изорник — зависимый крестьянин-пахарь) и поручительство; при помощи записи оформлялось завещание. Составление записи было довольно сложным делом, но этот документ нельзя было оспорить.

Серьезное внимание уделялось способам обеспечения исполнения обязательств. В Псковской Судной грамоте много места отведено поручительству и залогу. В статье 31, например, показана роль залога как способа обеспечения исполнения обязательства. Должник, отказываясь от уплаты долга, терял свой залог. Статьи 32 и 33 знакомят с еще одной формой обеспечения исполнения обязательств — поручительством. Поручительство могло применяться в тех случаях, когда сумма долга или иного денежного обязательства не превышала одного рубля. Закон не определял, каким образом оформлялось поручительство, но, оговаривая сугубо формальный порядок возвращения долга должником в случае наличия поручительства, давал сведения о формальном способе заключения поруки (порука — поручительство). При возвращении денег должнику необходимо было сделать соответствующие записи не только в документе, имеющемся у него на руках, но и на копии, хранящейся в архиве Троицкого собора. Отсутствие соответствующей отметки в архивной копии вело к признанию невыполнения должником своего обязательства.

На основании статьи 30 договор займа на сумму меньше одного рубля не нуждался в оформлении записью. Поручительство допускалось в сумме, не превышающей один рубль. Значит, не сумма долга, а поручительство заставляло оформлять договор специальным документом, составлявшимся в нескольких экземплярах, один из которых хранился в архиве Троицкого собора.

Что касается видов договоров, то законодательству и практике Новгорода и Пскова было известно значительно большее число договоров, чем Русской Правде. Один из самых распространенных договоров — купля-продажа. Согласно Псковской Судной грамоте, проданные вещи должны были быть доброкачественными. Если вещь продавалась со скрытыми дефектами, то такая сделка должна была быть признана, согласно статье 118, недействительной. Например, при покупке больной коровы сделка расторгалась, и покупателю возвращались деньги. Вещи, которые реализовывал продавец, должны были принадлежать последнему на законном основании. При предъявлении иска о краденых вещах со стороны третьих лиц обязанность доказывания законности сделки лежала на продавце. Так, статья 46 свидетельствует, что человек, у которого нашли краденую вещь, должен был правду дать, т. е. присягнуть, что он купил на торгу, а с татем-вором не поделился. Статья интересна тем, что в ней придается большое значение присяге как судебному доказательству (что вообще является характерным для Псковской Судной грамоты).

Псковская Судная грамота, защищая добросовестного приобретателя вещи (статьи 46 и 47), рассматривает также случаи, связанные с добросовестным приобретением вещи, ранее украденной. Если у добросовестного приобретателя были четыре-пять человек свидетелей, то других доказательств не требовалось. Если же свидетелей не было, то следовало прибегнуть к присяге как к доказательству (правда дати, статья 56). Купля-продажа движимости осуществлялась на торгу, без лишних формальностей. Договор заключался в устной форме, свидетели были необязательны. Сделка, заключенная в пьяном виде, считалась недействительной и могла оспариваться стороной (статья 114).

Сделки о недвижимости, в частности купля-продажа земли, должны были заключаться в письменной форме и при свидетелях, т. е. купля-продажа земли оформлялась записью. Субъектами договора купли-продажи земли могли быть близкие родственники. Известны случаи, когда сторонами были супруги, однако женщины могли в этой сделке выступать лишь в качестве продавца. Оформлялась сделка при свидетелях обеих сторон и скреплялась печатью архиепископа или его наместника. В договоре могло быть оговорено, что земля продается «одерень» или

«в веки», т. е. без права выкупа. При отсутствии этого условия выкуп не допускался.

Существенные особенности имел договор купли-продажи, заключенный с иностранными купцами в Новгороде. Признавалась законной только мена, а не торговля. Обмен товара на товар, кредитные сделки запрещались, хотя закон в целом признавал кредитные операции в торговой среде, предполагая некоторые особенности (статья 38). Закон устанавливал, что иностранный купец, в частности немецкий, мог три дня осматривать товар и должен был иметь свидетеля. Передача товара обязательно происходила на немецком дворе. Оформление сделки представляло собой выражение сторонами согласия перед свидетелями, сопровождаемое обрядом рукобития. После того как русский купец выносил товар с немецкого двора, сделка считалась необратимой. Лишь с середины XV в. на немецком дворе начали осуществлять письменное оформление сделок, регистрацию их в памятных книгах. Договор мены регулировался аналогично договору купли-продажи. Он упоминается в Псковской Судной грамоте лишь однажды (статья 114). Договор мены, также как и договор купли-продажи, мог расторгаться при заключении в пьяном виде. Иными словами, законодатель стремился к тому, чтобы сделки заключались сознательно, отдавая отчет своим действиям. Поэтому сделки умалишенных или совершенные под угрозой также, видимо, могли оспариваться и расторгаться.

В комментарии к статье 9 Псковской Судной грамоты Ю.Г. - Алексеев — автор монографии «Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв.» — высказал мнение о том, что недвижимость могла быть предметом залога, оформленного соответствующим актом. Заключение подобных договоров свидетельствует о наличии индивидуального частного хозяйства, о разрыве общинных связей мелких собственников, способных определить юридическую судьбу принадлежавшей им недвижимости¹⁰.

Хорошо был известен в Новгороде и Пскове договор займа. Займ на сумму до одного рубля мог совершаться в устной форме при свидетелях и без залога. Статья 30 Псковской Судной грамоты устанавливает общий порядок заключения договора займа: суммы свыше одного рубля даются в долг только под заклад (имущественный залог) или оформляются записью, иначе иск запрещается.

лось рассматривать. Разновидностью займа была денежная ссуда (статья 101), которая не требовала залога, но должна была письменно оформляться с передачей копии администрации. При ссуде могли устанавливаться проценты. Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды не устанавливала максимального размера процентов. Вопрос о размере процентов определялся соглашением сторон путем оформления в записи. Кредитор имел право обратиться свое требование по долговому обязательству в обозначенный соглашением срок уплаты. Если он подавал в срок свое требование в суд, то получал проценты. Если же пропускал срок уплаты ссуды, то проценты не получал. Закон устанавливал права кредитора, пожелавшего получить свои деньги до срока. Кредитор при этом терял право на проценты. Если же должник начинал возвращать долг досрочно, то он должен был заплатить проценты, но не все, а по расчету времени (статьи 73, 74).

Таким образом, последствия невыполнения условий должником в Псковской Судной грамоте подробно не оговариваются. Законодатель, вводя понятие залога и письменные формы, принуждал тем самым контрагентов к имущественной ответственности и заставлял их самих определять возможности имущественного обеспечения обязательств при невыполнении договора.

Договор поклажи (хранения) во времена Псковской Судной грамоты уже перестал быть дружеской услугой, на что указывает ряд ее статей (14, 16—19, 45, 103). Порядок заключения договора поклажи (хранения) стал строго формальным. За редким исключением оформлялся он записью. Если записи не требовалось, то применялись такие доказательства, как присяга и поединок. В документах о поклаже должно было подробно перечисляться имущество, иначе иск о хранении не принимался. Вообще, в вопросах хранения требовалось очень обстоятельное документальное подтверждение всех сторон правоотношения.

Своеобразным был договор изорничества (изорник — зависимый крестьянин-пахарь, одна из категорий половников). Будучи феодально-зависимым человеком, изорник заключал договор, по которому за пользование землей обязан был отдать хозяину половину или иную часть урожая. Изорник при этом брал покруту (покрута — заем, предоставленный господином своему половнику — человеку, работающему из половины урожая) — нечто подобное купе Русской Правды (купа — денежная сумма

или материальные ценности, орудия производства, позволяющие за купу — феодально-зависимому крестьянину — вести хозяйство на основе соглашения между ним и господином).

Псковская Судная грамота знала также договор поручительства. Дело в том, что в торговых операциях довольно часто возникала нужда в наличных деньгах. Поручитель обязывался за нуждающегося, и закон устанавливал, что подобные сделки могут заключаться на сумму не свыше одного рубля (статья 33). Поручитель при этом отвечал за доверенное лицо собственными средствами.

Имущественный заем (найм), не упоминающийся в Русской Правде, хорошо известен Псковской Судной грамоте как найм помещения. Подсуседник — зависимый наниматель дома или части дома, живший в усадьбе хозяина, — по закону мог в потребных случаях предъявлять хозяину иск (статья 103). В XV в. на Руси был довольно распространен имущественный найм земли, лесов, водных угодий в форме аренды на несколько лет. Условия этих договоров и плата оговаривались сторонами.

Распространенным видом договора был личный найм. Договор заключался обычно устно, однако была возможна и запись. Закон ставил обе стороны в равное положение, предоставляя им равные права в отстаивании своих интересов. Договор найма, где определялись права и обязанности сторон, заключался при поступлении в услужение, обучении ремеслу, в хозяйственную зависимость — шорничество (статьи 39, 40, 41).

Псковская Судная грамота знает два вида наследования — по закону (отморщина) и по завещанию (приказное), т. е. наследственное право допускало оба известных порядка наследования. Преобладало письменное завещание, что для республиканского права было общим правилом для всех сделок. Важным новшеством явилось деление имущества на движимое и недвижимое и относительно равные завещательные права женщин и мужчин. Смерть одного из супругов при отсутствии детей позволяла другому пользоваться имуществом и недвижимостью пожизненно или до второго брака. После его смерти или повторного брака имущество возвращалось родственникам, т. е. оставалось в роду.

При наследовании по закону долговые обязательства умершего изорника переходили к жене и детям (статья 85). В случае если умирал одинокий изорник, то государь (хозяин, нанима-

тель) завладевал его имуществом в счет выданной покруты (статья 86). Что касается ближайших родственников, то они имели право предъявить иск к пережившему супругу по поводу отдельных вещей умершего родственника (статья 90).

При наследовании по завещанию завещатель мог по своей воле определить наследника, лишив наследства остальных. Наследовать по завещанию, таким образом, могли не только члены семьи завещателя, но и иные лица (статья 14), что предопределяло абсолютный характер наследования по завещанию. В завершенном виде принцип абсолютного господства завещания на Руси не привился.

В случае спора право на наследство могло быть доказано свидетельскими показаниями четырех-пяти соседей или сторонних (чужих) людей. В случае, если свидетелей не было, должна была быть принесена присяга для доказательства прав на наследство (статья 55). При завещании земли, которое составлялось только в письменной форме и называлось рукописанием, часть ее передавалась церкви «на помин души».

Уголовное право. Если наследованию посвящено 14 статей, то к уголовному праву относится более половины статей Псковской Судной грамоты. Понятие преступления по сравнению с Русской Правдой (обида) в Псковской Судной грамоте значительно изменилось. В ней преступными считались посягательства не только на человека — его личность или имущество, но и иные запрещенные законом деяния, в том числе направленные против государства, его органов. В то же время в отличие от Русской Правды Псковская Судная грамота не содержала специального термина для обозначения понятия преступления. В уголовно-правовых установлениях правонарушитель фигурирует лишь как абстрактный **некто**. Хотя Псковская Судная грамота подразумевает участие в преступной деятельности детей, женщин, монахов, стариков, глухих, убийство сыном отца или братьев, никаких специальных юридических характеристик преступника из этого не следует (статьи 58, 97).

В Псковской Судной грамоте нет ни одной статьи, которая закрепляла бы уголовную ответственность нарушителя в зависимости от его сословной принадлежности. Статус свободы был единственным и самодостаточным основанием уголовной ответственности, т. е. не будучи холопами, лица всех сословий отвеча-

ли перед законом (статьи 60, 120). Дело в том, что о холопах и их убийстве Псковская Судная грамота вообще не упоминает. В данном случае действовали нормы Русской Правды: холоп не был субъектом преступления, а его убийство влекло денежное возмещение убытков. Хотя этот же кодекс, т. е. Псковская Судная грамота, в имущественных отношениях (долги, обязательства, найм и т. д.) специально оговаривал «сословные качества» сторон (статьи 28, 29 и др.), но в области борьбы с преступностью нет даже упоминаний о каких-то преимуществах сословий.

Псковская Судная грамота освобождает от ответственности при невиновном причинении вреда (субъективная сторона состава преступления). Так, к примеру, статья 98 освобождала от ответственности истца и пристава, если их приход в дом ответчика вызывал выкидыш у испугавшейся жены ответчика. И наоборот (объективная сторона состава преступления), кодекс говорит о преступлениях, которые предполагают суровость наказания. Это — кража, разбой, навод (навод — нападение, вторжение, в том числе и вооруженное с целью захвата чужого владения), грабеж (статья 1), рецидив (статья 8).

Статья определяет наказание за кражу на посаде. В ней дается определение рецидива, которое характеризуется как трехкратное совершение преступного деяния. Трехкратность совершения преступления показывает особую опасность преступника, на которого не действуют меры, применяемые по отношению к ворам обычным. Это позволило приравнять вора-рецидивиста к кромскому татю, т. е. к вору, специализировавшемуся на краже государственного имущества: казны, припасов, документов, пороха, продуктов, товаров, хранящихся в государственных закромах.

В соответствии с новым, расширенным по сравнению с Русской Правдой понятием преступления изменяется и сама система преступлений. Псковская Судная грамота впервые в русском праве вводит одно политическое (государственное) преступление — перевет, означавшее государственную измену (статья 7).

Также впервые Псковская Судная грамота говорит о преступлениях против порядка управления и суда. В частности статья 67 запрещает самоуправство истца, приехавшего вместе с приставом и пожелавшего взять силой что-либо из имущества ответчика за долги. Если истец проигрывал дело, то он обвинялся в грабеже и нес соответствующее наказание.

Довольно много внимания Псковская Судная грамота уделяет правовой регламентации деятельности должностных лиц (посадников, наместников, судей, сотских и т. д.). Это закономерно для республиканской политической структуры с огромным значением административного аппарата. Однако формы этой регламентации весьма своеобразны. Запреты нарушений должностных обязанностей закреплены в каком-то специфическом «некарательном» виде. Должностным лицам предписывался надлежащий образ поведения без угрозы репрессиями и карательными санкциями (статья 4).

Однако карательная мера государства наглядно проявлялась при покушении на достоинство должностных лиц. Оскорблению судебного привратника посвящена 58 статья. Закон предусматривал ответственность за самовольное и насильственное вторжение в судебное помещение, за нанесение ударов специальному должностному лицу (подвернику), следившему за порядком в помещении суда.

Существенно расширяются и изменяются по сравнению с Русской Правдой имущественные преступления, среди которых Псковская Судная грамота называет в первую очередь татьбу (кражу), грабеж и разбой, наход, поджог.

Статья 1 относил кражу к княжеской юрисдикции. Князь судил в составе коллегии-господы, в которую входили посадники и сотские. Псковская Судная грамота изменяет старый способ принесения присяги при свершившейся краже. Объявивший о краже сам разыскивал вора, который, вместо присяги в невиновности (вольная рота) всех жителей села или старосты, один приводился к присяге и приносил ее на месте совершения преступления, где была совершена кража (статья 34—35). Статья 7 предусматривала квалифицированную и простую татьбу. К квалифицированной татьбе относилась кража в Псковском кремле: кража государственного имущества, конокрадство, которое на Руси издревле рассматривалось как наитягчайшее преступление (Русская Правда), а также татьба, совершенная в третий раз. Простой татьбой считалась кража, совершенная в первый и второй раз, за исключением татьбы из кремля и конокрадства. С точки зрения законодателя конокрадство было так же опасно, как и измена.

Псковская Судная грамота не устанавливала различий между грабежом и разбоем (статья 20). Термин разбой сохранил значение неспровоцированного убийства с целью завладения имуществом (статья 1). В статье 1 упоминалось также такое преступление, как наход, т. е. разбой, произведенный шайкой.

Опасным преступлением являлся также поджог, сопряженный порой с изменой (статья 7). Пожар в средневековом городе мог быть совершен по заданию врага. Вместе с тем законодатель предусматривал ситуацию и при недоказанном поджоге. Тогда, в случае недостаточности улик, подозреваемый приносил присягу в невиновности — вольную роту (статья 116).

Преступления против личности строятся Псковской Судной грамотой по принципам Русской Правды и существенно от нее не отличаются.

Наиболее серьезным преступлением против личности считалось вырывание бороды (статья 117). Вырывание бороды расценивалось как оскорбление действием, обезображение лица. Оберегая бороду от посягательств других лиц, государство расценивало ее как внешний признак принадлежности к православному народу. Это служило простым и наглядным средством консолидации внешне однообразной массы и противопоставления ее вне стоящим. Изменение же облика путем вырывания бороды вело бы к ликвидации одного из признаков такой консолидации.

Из других преступлений этой категории (преступлений против личности) Псковская Судная грамота упоминает побои (статья 20). Однако это не означает, что данное преступление против личности игнорировалось законодателем. Дело в том, что и в Пскове, и в Новгороде продолжали действовать сама Русская Правда и ее нормы.

Хотя убийству посвящены всего две статьи Псковской Судной грамоты (статьи 96 и 97), о нем говорится более подробно, нежели о других преступлениях против личности. Но, в отличие от Русской Правды, Псковская Судная грамота не устанавливает никакой дифференциации в зависимости от социальной принадлежности убитого. Возможно, к этому подталкивали республиканские порядки. Однако вряд ли посягательства на именитых бояр и политических деятелей могли рассматриваться как обычные.

В Псковской Судной грамоте совершенно отсутствует абстрактно-теоретическое понимание вины, т. е. понятие виновности

не получило в кодексе, в сравнении с Русской Правдой, нового развития. Общая конструкция статей показывает, что виноватый — это лицо, обвиненное в противозаконных действиях. Виновность связывается с конкретным состоянием лица. Поэтому Псковская Судная грамота существенно отличает ответственность соучастников преступления: в Новгороде и Пскове преступники выплачивали указанную в законе сумму пропорционально. По Русской Правде всю сумму штрафа выплачивал каждый соучастник.

Система наказаний согласно Псковской Судной грамоте включала только два вида наказания — смертную казнь и уголовный штраф (продажу). Статья 7 вводит смертную казнь как новый вид наказания, не знакомый Русской Правде. В статье перечислены преступления, представлявшие во времена Псковской Судной грамоты наиболее опасными: измена (перевет), поджог, кримская (государственная) кража, конокрадство. Политическое преступление (перевет), означавшее государственную измену и каравшееся смертью, стоит рядом с таким имущественным преступлением, как конокрадство. С точки зрения законодателя, конокрадство было так же опасно, как и измена, и наказывалось по Псковской Судной грамоте смертной казнью. Под это же наказание попадали поджог и кража, совершенные в третий раз, поскольку в данном случае законодателя интересовала повышенная опасность самой личности преступника.

Способы осуществления смертной казни в самой грамоте не указываются. Однако псковские летописи зафиксировали несколько случаев смертной казни, а именно: путем избиения или истязания, повешения и сожжения, утопления.

Вторым видом наказания была продажа (уголовный денежный штраф). Она назначалась за большинство преступлений, в том числе и за убийство. В Псковской Судной грамоте общий принцип взыскания денежного штрафа вполне очевиден: два рубля за оскорбление, выразившееся в вырывании бороды; один рубль за убийство и т. д. Поэтому штраф в 70 гривен (или 2, 3 рубля) представлялся вполне допустимым денежным эквивалентом (статья 1). Важнейшим отличием Псковской Судной грамоты от Русской Правды являлось отсутствие повышенной и пониженной платы за убийство. Денежные штрафы за убийства свидетельствуют о большом прагматизме республиканского права. Прагматизм этот, безусловно, главенствовал над христианской идеоло-

гией и убийство детьми родителей приравнялось ко всем остальным видам убийств (статьи 96 и 97).

Эта же статья (статья 7) классифицирует виды уголовного денежного штрафа (продажи). Это могла быть и компенсация потерпевшему, это мог быть и штраф в пользу Пскова или Новгорода. Штраф в пользу земель был наиболее вероятным. Несмотря на важную роль, которую играл в землях князь, он все же выполнял, пользуясь современным языком, функцию чиновника. В отличие от Киевской Руси, где великокняжеская казна составляла единое целое с личным имуществом князя, в Псковской и Новгородской феодальных республиках такого единства быть не могло. Поэтому в Русской Правде, как правило, имеет место два вида денежных взысканий за преступление: штраф в пользу князя (вира, продажа) и компенсация потерпевшему (головничество, урок); иногда определялись отчисления в пользу людей князя (вирника, емца — княжеского чиновника, поимщика вора). В Псковской Судной грамоте другая картина: продажа распределяется между князем, посадниками и Псковом (государством, казной). Денежная компенсация потерпевшему определяется в грамоте не всегда¹¹, хотя статьи 52 и 96 обязывают виновного уплатить денежное вознаграждение потерпевшему или его родственникам.

Процессуальное право. В Псковской Судной грамоте содержится подробная система судоустройства, конкретно названы органы и лица, осуществляющие правосудие.

Увеличение видов преступлений диктовало более четкий подход к обеспечению целенаправленного воздействия на личность провинившегося. В этой связи Псковская Судная грамота выносит на суд веча преступления политические и связанные с государственной изменой (перевет). Именно в судебную компетенцию веча вписывались политические преступления (статья 3). Ни князь, ни посадник не могли вмешиваться в суд высшего вечевого органа.

Следующим звеном в судебной иерархии было должностное лицо в ранге посадника. Посадник не мог судить на вече, но именно он руководил народным собранием. Согласно сложившемуся правилу, рассматривать дело и выносить по нему решение должен был тот посадник, который начинал его слушать (статьи 3, 4, 6).

Что касается князя, то в компетенцию княжеской юрисдикции входят кража, разбой, наход, грабеж. Говорится также о

суде князя по делам о бое (нанесение побоев), об убийстве, о земле. Однако судить князь мог только в составе коллегии-господы, в которую входили посадники и сотские. При прохождении суда в княжеском доме суд мог вершиться только князем и посадским, т. е. коллегиально (статьи 1, 4). Если статьи 78 и 79 Псковской Судной грамоты пытаются ограничить влияние князя в судебной тяжбе о земле или воде, то в отношении посадника о каком-либо ограничении в кодексе речь не идет.

Имелись также судьи, вершившие суд на местах. К ним, в частности, относились сотские судебно-административные выборные должностные лица. Им предписывалось судить исключительно по закону, для чего они обязаны были приносить присягу (статьи 20, 78).

Должностным лицом, осуществлявшим суд в пригороде, являлся наместник. Наместников в пригороды присылали из Пскова, они должны были принести присягу верности Пскову и его законам (статья 5).

Помимо вышеназванных судов существовал особый суд наместника новгородского архиепископа. Дело в том, что церковные люди подлежали неподсудности суду князя и посадника. Церковные люди подлежали суду владыки или его наместника. Лишь когда одной из сторон являлся церковный человек, а другой — мирянин, составлялся общий суд наместника владыки и князя с посадником. По такому же принципу должны были действовать и местные суды (статьи 2, 109).

Мелкие дела, например оскорбления и драки во время масовых гуляний (пира), могла рассматривать братчина — группа соседей, объединявшихся между собою с целью организации в складчину общественных пирушек. К юрисдикции братчины могли быть отнесены состоявшиеся на пиру кражи, но не бои (нанесение побоев). Бои на пиру относились к юрисдикции князя (статьи 34, 113).

Названные выше органы и лица, осуществлявшие правосудие, естественно, нуждались в так называемом вспомогательном персонале и необходимой для вершения правосудия документации. Таковыми, в частности, были: позовницы — повестки в суд; безсудные грамоты — судебные решения, вынесенные без судебного разбирательства в связи с неявкой стороны в суд; приставная — документ, доставлявшийся судебным приставом

(например, о вызове в суд). Перечисленные документы могли быть исполнены княжим писцом, который мог взять за это с человека по таксе, определяемой размером судебных пошлин. В случае если сторона не обращалась к княжему писцу, а составляла документы у другого лица, то устанавливался обязательный порядок обращения либо к князю, либо в архив Троицкого собора для приложения печати. Таким образом, выписка судебных документов и приложение к ним печати не являлись исключительной прерогативой князя и его писцов, а обращение к Троицкому собору за приложением печати к частным документам не означало измены князю, оскорбления его власти, нарушения обычая (статьи 50, 82).

Судебный процесс начинался по инициативе государственных органов или заявлению истца (статьи 10, 24). Вызов ответчика в суд производился публично, на церковной площади, являвшейся центром территориальной общины. Повестку о вызове в суд) зачитывал перед народом истец в присутствии священника. Это, конечно, не означало, что ответчик являлся в суд незамедлительно. Видимо, нередко были случаи, когда ответчик пытался уклониться от суда. В этом случае явка ответчика в суд регламентировалась законодателем следующим образом: если в течение пяти дней ответчик не являлся в суд, господ (господа — государственный орган в Пскове, имеющий право осуществлять правосудие) давала разрешение на его принудительную доставку (статья 25).

Принудительная доставка ответчика в суд, санкционированная господой истцу, могла быть реализована как самим истцом, а могла быть предоставлена приставу. При этом особое внимание обращалось на предотвращение самосуда в случае доставки ответчика самим истцом. В этой ситуации законодатель устанавливал ответственность за любой случай попытки истца самостоятельно расправиться с ответчиком (статья 26).

При явке ответчика в суд начинался разбор доказательств, представленных тяжущимися сторонами. Центральное место в процессе было отведено послуху (послух — свидетель). Послух в процессе играл активную роль: свои показания он защищал в поединке, причем заменить себя наймитом (наймит — представитель стороны в судебном поединке, бывший и сражавшийся вместо представляемого на поле) был не вправе. Неявка послуха вела к

автоматическому проигрышу дела стороной, опирающейся в доказательстве своей правоты на его показания. Допрос истца и его послуха прежде всего должен был выявить то обстоятельство, что послух действительно находился вместе с истцом, и подтвердить показания истца, причем свидетельством правоты истца должно было быть совпадение его показаний с показаниями послуха. Несовпадение показаний истца и послуха вело к проигрышу дела. При отсутствии убедительных доказательств споры сторон решались присягою или судебным поединком (полем) послуха с ответчиком (статья 20). Кроме послуха в качестве свидетелей могли выступать особые свидетели — соседи (соседи) и сторонние люди (чужие люди), которые знали что-либо о преступлении. Об этом свидетельствуют статьи 9 и 15.

На процессе допускалось представительство сторон. Право поставить вместо себя на судебный поединок наемного бойца предоставлялось только малолетним, больным, увечным, престарелым, монахам, монахиням и священнослужителям. Женщина могла выставить наемника в тяжбе с мужчиной. Если же споры решались между двумя женщинами, то законодатель предписывал в этом случае поединок, запрещая сторонам выставять вместо себя наймитов (статьи 21, 36, 119). Псковская Судная грамота запрещала должностным лицам выступать в качестве представителя стороны в процессе, чтобы, вероятно, не оказывать давления на суд. В случае спора о церковной земле интересы церкви представлял староста, т. е. выборный представитель верующих прихода этой церкви (статьи 68, 70, 71). Поединок кончался гибелью одного из сражавшихся, примирением или победой одного из них. Победивший на судебном поединке, как доказавший свою правоту судом божьим, выигрывал тяжбу, а сверх того имел право снять с побежденного оружие и вооружение, с которым тот вышел в бой (статья 37).

Псковская Судная грамота фиксирует внимание на состязательном характере процесса (статьи 34, 35), хотя и подчеркивает развитие его следственной, розыскной формы (статья 24).

Подобно Русской Правде (статьи 13, 14, 16 Краткой редакции Русской Правды), Псковской Судной грамоте присущ институт досудебной подготовки дела (статья 46) — свод (свод — процесс отыскания недобросовестного владельца вещи). Подобно в Псковской судной грамоте свод не регламентируется,

хотя о нем говорят также статьи 34, 39, 44, 46, 47, 54, 56, поскольку и в этом случае действовали нормы Русской Правды.

Псковской Судной грамоте присуща также система доказательств. Учитывался интерес самих сторон, поэтому при недостатке улик и доказательств, особенно в имущественных тяжбах, обычно привлекались четыре-пять свидетелей, способных подтвердить обстоятельства дела (статьи 9, 27, 51). Согласно общему правилу, основное внимание уделялось документам и вещественным доказательствам. Серьезную роль играли письменные доказательства. Среди них можно назвать грамоту, которая, например, при разрешении спора на землю, являлась решающим доказательством, определяющим правую сторону (статьи 10, 12, 13). Имущественные споры разрешались при помощи записи — договоры ссуды, поклажи, хранения, положения о наследовании и т. д. (статьи 14, 15, 73). В отдельных случаях доказательственную силу имели простые записки — рядницы (статьи 32, 38) и доски (статьи 14, 19, 28). Среди доказательств могло быть и собственное признание. Псковская Судная грамота упоминает его, говоря о споре по договору займа (статьи 28, 29) и это является существенным отличием от Русской Правды, которая в качестве доказательства не знала собственное признание.

По делам о воровстве в качестве доказательства выступало «полищное», т. е. краденая вещь, найденная у лица, заподозренного в краже. Полищное обнаруживалось во время обыска, производимого должностным лицом — приставом, вместе с которым мог присутствовать и истец. Лицо, подозреваемое в краже, обязано было допустить в свой двор приставов для обыска. В противном случае оно обвинялось в краже (статья 57). В случае обнаружения у него краденной вещи (полищного) человек признавался вором, если же ничего не находили, то его объявляли свободным от подозрения (статья 60).

Псковская Судная грамота упоминает и такой вид доказательства, как рота (присяга). Например, способом доказательства своей правоты могла быть присяга, данная суду как ответчиком, так и истцом (статья 17). Причем залогодержателю в случае возникновения спора было предоставлено право выбора доказательства: личная присяга или требование присяги другой стороны (статья 29).

Итак, Псковская Судная грамота, в отличие от Русской Правды, предполагала замену публичного процесса (на княжьем дворе) процессом канцелярским, закрытым для публики (статьи 3, 4); замену устного делопроизводства письменным, преобладание письменных доказательств (статьи 50, 82); обвинительный характер процесса (статьи 9, 10, 11, 12).

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в период раздробленности на Руси продолжается развитие раннефеодального государства. Относительно централизованная Древняя Русь распадается на ряд различных по своей территории государств. По своим политическим формам практически все феодальные владения пытаются копировать Киевское государство. Вместе с тем в этот период появляется принципиально новая форма правления — республика.

Все рассмотренные феодальные державы объединяются в принципе единой правовой системы, в основе которой лежит эпохальный правовой акт — Русская Правда. Ни в одном княжестве не создается нового закона, способного хоть в какой-то мере заменить собой Русскую Правду. Формируются лишь ее новые редакции. Только в феодальных республиках создаются новые крупные законодательные акты.

Феодальная раздробленность на Руси, как и в других известных странах, была неизбежным этапом развития государства. Однако эта неизбежность, в отличие от известных стран, очень дорого обошлась нашему народу, который начиная с XIII в. около трехсот лет находился под татаро-монгольским игом.

Примечания

¹ Иловайский Д.И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М.: Чарли, 1996. (Серия «Актуальная история России»). С. 450.

² Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 450—452.

³ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 678.

⁴ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 245.

⁵ Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 228.

⁶ Российское законодательство X—XX веков... С. 304—305.

⁷ Российское законодательство X—XX веков... С. 314.

⁸ Российское законодательство X—XX веков... С. 276.

⁹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 357.

¹⁰ Российское законодательство X—XX веков... С. 351.

¹¹ Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т.1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 346.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980.
2. Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М.: Институт российской истории РАН, 1996.
3. Древнерусские княжества X—XIII веков. М., 1975.
4. Иловайский Д.И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М.: Чарли, 1996. (Серия «Актуальная история России»).
5. Кафенгауз Б.Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969.
6. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998.
7. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
8. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992.
9. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 300—320.
10. Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилх торговых // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 249—261.
11. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 321—386.
12. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVII веков. М.: Юрист, 1995.
13. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984.
14. Рукописание князя Всеволода, XIII век // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 262—292.

15. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Синодальная редакция // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 147—162.

16. Устав князя Ярослава о церковных судах. Краткая и Пространная редакции // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 167—208.

17. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

18. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995.

19. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

20. Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований. Новгородский исторический сборник. Л., 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ.....	3
2. ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО.....	8
3. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО.....	13
4. НОВГОРОДСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА.....	19
ПРИМЕЧАНИЯ.....	56
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	57

Учебное издание

Проценко Юрий Леонтьевич

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РУСИ
В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ
РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XIV вв.)**

Лекция

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *И.И. Незнаева*
Технический редактор *Н.Г. Романова*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 01.03.2001. Формат 60х84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 3,5.
Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 28.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.